

ТАЙНАЯ СТРАЖА РОССИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.
КНИГА ВОСЬМАЯ

Коллектив авторов

**Тайная стража России. Очерки
истории отечественных органов
госбезопасности. Книга 8**

«Алисторус»

2026

УДК 351.746.1
ББК 63.3(2)522-36

Коллектив авторов

Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 8 / Коллектив авторов — «Алисторус», 2026

ISBN 978-5-00269-528-7

Восьмая книга серии «Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности» включает в себя публикации о борьбе отечественных органов госбезопасности со спецслужбами противника, бандитизмом и терроризмом; о пограничной деятельности; биографические исследования о руководителях ОГПУ - НКВД - МТБ - КГБ; воспоминания офицеров разведки и контрразведки. В этом выпуске у читателя появилась возможность ознакомиться с документами по истории отечественных органов государственной безопасности. Появилась новая рубрика - «Отзывы. Рецензии. Критика». Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей России. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 351.746.1
ББК 63.3(2)522-36

ISBN 978-5-00269-528-7

© Коллектив авторов, 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

На страже трона	6
Б. А. Азнабаев. Пограничная служба башкир в XVI–XVIII вв.	6
А. В. Мерзанова. Испанский вопрос и государственная безопасность России (XVII–XX вв.)	16
Л. В. Лукьянчикова. Обеспечение государственной безопасности в национальных окраинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Царства Польского)	25
А. Н. Кукарека. Тридцать тысяч верст разведки (о разведывательной деятельности Н. М. Пржевальского)	40
С. В. Медведев. Жалобы бывших полицейских на неправомерные аресты и взыскания в начале XX в	52
На переломе эпох	57
С. И. Ефремов. Участие чинов Отдельного корпуса пограничной стражи в Первой мировой войне (1916—1918 гг.)	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Коллектив авторов
Тайная стража России. Очерки
истории отечественных органов
госбезопасности. Книга 8

© Попов А.Ю., автор-составитель, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

На страже трона

Б. А. Азнабаев. Пограничная служба башкир в XVI–XVIII вв.

В историографии, рассматривающей присоединение башкир к Российскому государству в середине XVI в., укоренилось мнение, что ключевой побудительный мотив башкирских родов заключался в поиске внешней защиты. Представление о том, что Россия приняла на себя роль покровителя башкир, ограждая их от нападений ногайцев и сибирских шибанидов, восходит к оценкам П. И. Рычкова¹. Первый системный труд по истории включения Башкирии в состав России, написанный А. Н. Усмановым, также утверждал: присоединение сопровождалось обязательством Москвы оборонять край от грабительских налетов соседей и претензий кочевых ханов². Ч. Стейнведаль объяснял обращение башкирских вождей к Москве отсутствием у башкир развернутой политической архитектуры: внешний союз, по его мнению, должен был заменить ее и обеспечить военную поддержку против ногайцев и сибирских татар³. В современном прочтении аналогичную позицию развивает Ф. А. Шакурова, предлагая трактовать взаимоотношения российской администрации с башкирской элитой именно как протекторат; в качестве аналогии она вспоминает «призвание варягов» славянскими и финскими племенами – типичную, как она считает, практику для обществ сходной ступени развития⁴.

Насколько применим «протекторат» к башкирскому материалу? Понятие «протектората» в строгом смысле предполагает межгосударственную модель, где одно государство берет под защиту другое. Проблема в том, что убедительных доказательств существования у башкир полноценного государства накануне принятия ими российского подданства в историографии нет. И хотя аргументы И. Г. Акманова, отвергающего саму возможность протектората внутри централизованной России⁵, спорны (ведь и в XVIII–XIX вв. Российская империя имела подобные образования – Картли-Кахетию в XVIII в., Младший казахский жуз в начале XIX в.), «протекториальная» схема по ряду формальных признаков на башкирскую ситуацию ложится плохо.

Возникает вопрос, нуждались ли башкиры в протекторате в этот период? Историки переоценивают давление с ногайской и шибанидской сторон. Примечательно, что в 1611 г. последний ногайский наместник в Башкирии, мурза Кара Кель-Мухаммед, отклонил просьбу русского посланника о совместных военных действиях против поляков, мотивировав отказ тем, что основные силы у него связаны заставами против калмыков и... башкир⁶. Его летние кочевья располагались прямо под Уфой, то есть ногайский наместник сам нуждался в российском прикрытии от башкир. К тому же, события 1630-х гг. показали, что именно ногайцы не выдержали напора калмыков.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской комиссии. Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2002. С. 34.

² Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкиргоиздат, 1982. С. 115.

³ Steinwedel Ch. Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2016. P. 94.

⁴ Шакурова Ф. А. Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа: Гилем, 2004. С. 172.

⁵ Акманов И. Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Доннелли Алтон С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Уфа: Ватан, 1995. С. 17–27.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115.

Если даже допустить, что часть башкир искала военно-политического покровителя, то следует признать: Москва не торопилась исполнять роль защитника башкир. Помимо рейда казаков на Сарайчик в 1573 г. и двух походов стрелецких голов Турова и Волохова в 1585–1586 гг.⁷, устойчивого военного присутствия России в крае не наблюдалось.

Возникает закономерный вопрос: какие цели преследовали башкирские роды, добровольно принося присягу Ивану IV? И. Г. Акманов, опираясь на башкирские родословные (шежере), делает вывод: центральным предметом переговоров был земельный вопрос – возвращение и юридическое закрепление вотчин, утраченных из-за ногайской экспансии конца XV – первой трети XVI в.⁸ Но что именно подразумевалось под «закреплением»? Угроза ногайского реванша ко второй половине XVI в. была невелика, а одно лишь признание Москвой родовых прав не могло, будь у ногайцев реальная сила, остановить их экспансию. Русская же колонизация Башкирии долгое время была ограничена: в середине XVI в. здесь не существовало ни одного русского города; и даже в XVII столетии земледельческая заселенность Уфимского уезда касалась лишь окрестностей немногочисленных крепостей и дворцовых слобод. По данным Н. Ф. Демидовой, к 20-м гг. XVIII в. все русское население Уфимской провинции не превышало 10000 человек⁹. Очевидно, что причина обращения башкир к российскому государству коренилась в самом башкирском обществе, не способном самостоятельно справиться с внутренними проблемами. Башкирское общество к этому времени оформилось как горизонтальная полития: доминировали связи «по горизонтали» между родоплеменными единицами, а всплески иерархии появлялись лишь в моменты максимального военного напряжения и не превращались в устойчивые институты. Единого сакрализованного правителя и центрального управления не существовало. Все роды обладали равным правовым статусом; при разборе межродовых конфликтов численность ополчения, площадь владений или «стаж проживания» на башкирской земле не брались в расчет. Вопросы, затрагивающие интересы всех родов, решались исключительно на йыйынах – народных собраниях. Ни один военный лидер башкир не мог действовать без их санкции. Тем не менее эта горизонтальная структура общества даже соседями башкир воспринималась как организованная полития. К примеру, Ногайская орда, заняв в начале XVI в. центральные башкирские территории, учредила Башкирское наместничество, не включенное в крыльевую систему Ногайской Орды¹⁰. Позже, в первые два десятилетия XVIII в., в период разрыва подданных отношений с Россией, в российской официальной документации появляется политоним «Башкирская орда»¹¹. И ногайские бии, и российская администрация тем самым признавали существование определенного политического единства башкир.

При этом эта политическая структура не могла стать суверенным государством. Главное препятствие – акефальность: отсутствие верховной инстанции, способной правовыми методами погасить внутренние противоречия. Земельные споры и кровная месть не имели устойчивых процедурных решений; война как способ урегулирования могла длиться бесконечно. В результате роль беспристрастного арбитра над родоплеменными сегментами неизбежно принимали на себя имперские центры – монгольский или российский. При этом башкирские шежере фиксируют важную деталь, на которую исследователи часто не обращали внимания: башкирские посланцы просили у Москвы не только подтвердить вотчинные права, но и обмерить и размежевать земли. В родословной росписи племени Минг прямо говорится: «земли

⁷ Корецкий В. И. Летописец с новым известием о восстании Болотникова. История СССР. 1968. № 4. С. 72.

⁸ Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 86.

⁹ Демидова Н. Ф. Научные труды по истории Башкортостана. Уфа: Полиграфдизайн, 2020. С. 160.

¹⁰ Тrepавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. С. 356.

¹¹ РГАДА. Ф. 248 Оп. 15. Д. 821. Л. 421.

просили поделить, чтобы избежать взаимного насилия»¹² – то есть требовался именно правовой механизм. В свою очередь российские власти возложили на башкир обязанность самостоятельно охранять юго-восточную границу России.

Что представляла собой эта пограничная область? Одним из самых сложных сюжетов историографии остается определение южной границы Башкирии в XVI – начале XVII в. Р. Г. Кузеев полагал, что зимние откочевки в Прикаспийскую низменность прекратились еще до монгольского времени; документы Посольского приказа подтверждают нестабильность южной зоны расселения¹³. В XVII в. рамки Уфимского уезда очерчивали территорию, с которой платился ясак; в дипломатических бумагах эти зоны именовались «государевых ясашных людей вотчинные земли». Есть свидетельство 1649 г. о том, что ясак собирался и с угодий по Эмбе: башкиры жаловались на калмыков, ежегодно «кочующих» там и наносящих ущерб¹⁴. При этом вотчинные земли за Яиком формально не управлялись уфимской администрацией. Дальняя уфимская станица доходила до Царева брода в устье Сакмары (граница нынешнего Оренбурга). Наказы 1643 г. предписывали станичным головам отмечать знаки до самого брода; «недоезд» считался проступком¹⁵.

Память о правах на угодья за Яиком держалась долго: в «изъяснении» 1734 г., подготовленном к Оренбургской экспедиции, констатируется, что казахские орды захватили башкирские земли по Тургаю, Яику и Эмбе¹⁶. Исследователи по-разному реконструируют южный рубеж Башкирии. Коллектив авторов «Истории башкирского народа» фиксирует границу по среднему и верхнему течению Яика и его притокам (Илек, Орь, Сакмара, Кил)¹⁷. Н. Н. Томашевская указывает и более южные линии: Эмба, Большой и Малый Узень, Чижа, вплоть до нижнего Яика, – соответствующие ситуации начала XVII в., когда Ногайская Орда была максимально ослаблена¹⁸. В 1607 г. в Уфимском уезде прошло межевание вотчинных земель и уточнение ясашных окладов; московская политика нацелилась на подтверждение за башкирами угодий, ранее освоенных ногаями. Н. Ф. Демидова замечает: башкирские посольства, прибывавшие в Казань для «принятия подданства», просили передать им владения, остававшиеся после ногайской знати; земли минцев, например, выросли более чем вдвое¹⁹. А. Рябинин приводит грамоту Ивана IV о даровании тарханства башкирам, где просится провести южный рубеж по Яику у Сарайчука – фактически претензия на столичный центр Ногайской державы²⁰.

Однако закрепиться за Яиком башкиры надолго не смогли: калмыцкая экспансия 20–40-х гг. XVII в. оттеснила их к северу. Условия принятия калмыками российского подданства включали претензии на Яик, левобережье Волги и степи от Астрахани до Самары. К середине XVII в. земли южнее реки Самары и все степные кочевья за Яиком были выведены из башкирского фактического владения²¹.

¹² История башкирского народа. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. С. 67.

¹³ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. С. 12

¹⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1649. Л. 12.

¹⁵ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 365. Л. 4.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: 1830. Т. IX. № 657. С. 309–312.

¹⁷ История башкирского народа. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. С. 81.

¹⁸ Томашевская Н. Н. От социального пространства к социальному времени: опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа: Китап, 2002. С. 132.

¹⁹ Демидова Н. Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1960. Минск: Наука и техника, 1962. С. 261.

²⁰ Рябинин А. Д. Уральское казачье войско // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1866. Т. 2. С. 3.

²¹ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (сер. IX–I четв. XVIII в.). М.: Элиста, Калм. кн. изд-во. 1994. С. 98.

Башкир (пеший). Худ. А. О. Орловский.

Возложение на башкирский народ обязанности охраны границы не означало включения башкир в штатную военную систему царства. Маршруты, заставы, нормы участия определяли сами роды; вмешательство властей было минимальным. В грамоте от 22 июня 1722 г. после восстановления подданства подтверждалось: башкиры должны «предостерегать» приход каракалпаков и киргиз-кайсаков, «свойски» выходить им навстречу и своевременно извещать уфимских и иных воевод. В самой коллективной челобитной, предшествовавшей указу, обязанности

прописаны еще шире: обязательство башкир действовать не только против внешнего неприятеля, но и против «своих товарищей», если те нарушат государев порядок²².

Границы участка, фактически порученного башкирам, начинаются от верховьев Самары и заканчиваются верховьями Тобола, а его протяженность суммарно составляет чуть менее 1500 км. Общая оборона породила феномен общешкирского пользования приграничными ресурсами: хотя земли «между родами разделены», охотничьи станции за Яиком и Илецкие соляные промыслы считались достоянием всех. Для зимней охоты за Яиком формировались смешанные партии из разных дорог и волостей; известен эпизод 1648 г., когда на Уе пленили 20 башкир из семи волостей, включая Гайнинскую – в 800 км от места промысла. Илецкую соль башкиры ревниво охраняли и «чужих» туда не допускали; добыча требовала экспедиции не менее чем в 3000 человек, из которых лишь сотни грузили соль, а большинство держало круговую оборону – с регулярными боями и потерями²³. Не случайно И. К. Кирилов подчеркивал: «вся та земля – башкирская, и владелец здесь тот, кто сам того желает»²⁴, – фиксируя статус пограничья как зону башкирского контроля.

Конные башкиры на бивуаке. Худ. А. О. Орловский.

Необходимость непрерывной охраны южного рубежа впервые потребовала от родоплеменных структур единой координации. Однако даже при возникновении Башкирской орды как военно-политического организма не сложилась ханская иерархия, свойственная соседям – казахам, калмыкам, каракалпакам, ногаям. В 1920-е гг. Б. Э. Нольде, не найдя у башкир институт ханской власти, сделал вывод об отсутствии у башкир политической организации вообще²⁵. Позднее А. Каппелер повторил мысль, что башкиры не образовали цельной политической структуры, оставаясь в орбите Казани и Сибири на севере и ногайцев и казахов на

²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 297.

²³ Там же. Ф. 119. Оп. 2. 1630. Д. 1. Л. 4.

²⁴ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской комиссии. Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2002. С. 47.

²⁵ Нольде Б. Э. История формирования Российской империи СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 286.

юге. Отсюда – скепсис относительно существования договорного подданства башкир: если нет субъекта, то нет договора²⁶.

Но возникает контраргумент: чем тогда объяснить беспрецедентные привилегии башкир XVII – первой половины XVIII в.? Уже Н. А. Фирсов отмечал: ни один «иностранческий» этнос не получал столь щедрых земель, не платил столь малых податей и не имел сопоставимой свободы самоуправления и религии²⁷. Популярное объяснение вроде тезиса Б. Нольде о «пассивной» Москве, которая «не спешила» в край и избегала конфликтов с «иностранцами», выглядят неубедительно; аналогично и версия М. Тепеюрта о неспособности властей эффективно управлять полукучевыми родами²⁸. Проблема возникает от того, что «политическую организацию» смешивают с государством-ханством. Следуя К. Шмитту, «политическая» не сводится к «государственному», особенно в демократических – акефальных конфигурациях²⁹. В канцелярских бумагах XVIII в. сама структура вполне конкретно именуется «Башкирской ордой». Ф. Г. Чекина (1728 г.) указывает на опасность объединения четырех орд: башкирская орда фигурирует наряду с калмыками, каракалпаками и киргиз-кайсаками³⁰. В 1729 г. ротмистр А. Аничков говорит об опасностях «жизни посреди Башкирской Орды»³¹. Сенатская резолюция 1733 г. велит адресовать обращение «когда Башкирская орда будет в сборе под Уфой»³² – то есть речь о реально функционирующем общем сходе (на Чеснаковке), где формировались решения и писались челобитные, а отнюдь не о «географическом» понятии.

Эти «мирские сборы» не были церемонией лояльности: башкиры жестко критиковали уфимскую администрацию, торгуясь и добиваясь уступок; И. К. Кирилов прямо описывает и практику «умиротворения подарками», после чего «вечером писали похвальные письма»³³. Масштаб участия опровергает версию «съезда знати»: к примеру, в 1737 г. на сбор по Казанской дороге пришло 15 тысяч человек – практически все взрослое мужское население дороги³⁴.

Сплоченность Башкирской орды мотивировалась необходимостью охраны границы. Чем сильнее был натиск неприятелей, тем крупнее становились отряды ополчения и чаще созывались общешкирские йыйыны. Таким образом, именно пограничная служба требовала круглогодичной координации караулов и готовности быстро выставить ополчение. Экономическое измерение не менее важно: раз границу защищают все, то и право пользования приграничными ресурсами принадлежит всем башкирам. В центральных областях Башкирии обычно собственником земли выступает конкретная волость, но земли за Яиком – исключение: илецкая соль закреплена за всем башкирским народом; формально семь волостей платили ясак, фактически же солью пользовались все. При добыче соли и на зимних охотах башкиры неизбежно сталкивались с соседями: в XVII в. – с ногаями и калмыками, в начале XVIII в. – с казаками и каракалпаками. По челобитной 1718 г., башкиры «на соль ездят тысячи по три, из них 300 грузят, прочие обороняются»³⁵. Собрать 3000 воинов под силу не каждой волости

²⁶ Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 39.

²⁷ Фирсов Н. Н. Иностранческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Ученые записки Казанского университета. Казань: 1871. Т. VI. С. 305.

²⁸ Тепеурт М. Bashkirs between Two Worlds, 1552–1824. Graduate. Theses, Dissertations, and Problem Reports West Virginia University: 2011. [Elektronnyi resurs] URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/230465305.pdf> (data obrashcheniya: 10.05.2021).

²⁹ Шмитт К. Понятие политического. СПб: Наука, 2016. С. 231.

³⁰ Материалы по истории каракалпаков. М., Л.: АН СССР, 1935. Т. VIII. С. 196.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201.

³² Там же. Оп. 15. Д. 821. Л. 421.

³³ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. С. 100.

³⁴ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа: Китап, 2002. Т. VI. С. 368.

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 102.

– потому формировались смешанные отряды. Такая экзополитарная модель укладывается в общий евразийский номадический ряд (Н. Н. Крадин)³⁶.

Контроль юго-восточной границы придавал «орде» субъектность во внешних делах: башкиры вели переговоры с калмыками, слали посольства в Крым и Турцию, приглашали чингизидов из Сибири и казахских степей. Уже в 1635 г. зафиксирован контакт с крымским двором (по Р. Н. Кюратту): «башкиры-иштяки» предлагают ясак и вооруженную службу³⁷; последний пример – 1739 г., когда ханом провозглашают шибанида Байбулата Хасанова³⁸.

Возникновение Башкирской орды внутри России было вызвано обязанностью охранять границу. Ее упадок начался с утратой контроля. Еще до Оренбургской экспедиции (1734–1735 гг.) башкиры жаловались на атамана Василия Арапова, поставившего крепость в устье Сакмары – на общей вотчине семи волостей, подтвержденной актами 1628 г.³⁹. Крепость перехватывала единственный сухопутный путь на реку Илек. Однако именно до устья Сакмары доходили уфимские станицы 1643 г. Осознав угрозу, часть башкирской элиты призвали башкир к сопротивлению. По всей Башкирии стали созываться йыйыны. В Санкт Петербург была направлена делегация башкир с требованием срыть крепость, построенную на их земле без согласия вотчинников⁴⁰. Ситуация на границе усугубилась в конце 20-х гг. XVIII в. Под натиском казахов Башкирская орда не смогла удержать уголья по Илеку, Яику, Ори, Тоболу.

В башкирском обществе наблюдается ослабление былой солидарности в деле защиты южных рубежей. Так, в августе 1733 г. глава казахских табынов Букенбай предупреждает зауральских башкир из рода каратабын о готовящемся рейде хана Средней Орды – Семеке. Глава башкир-каратабынцев Таймас Шаимов собирает силы из соседних волостей, разбивает противника, но ценой тяжелых потерь. Несмотря на призывы Таймаса, далеко не все ополчения Ногайской и Сибирской дорог выступили в поддержку каратабынцев⁴¹. В этих условиях часть башкирских старшин Зауралья содействует российскому укреплению в регионе. Тот же Таймас Шаимов предоставляет Ивану Кирилову свои земли под хлебную пристань на верховьях Яика – критически важную логистику для будущего Оренбурга⁴². Сам Кирилов прямо указывает на то, что верные России башкирские старшины ведут упорные бои с казахами, в то время как против правительства выступают те, чьи вотчинные земли не граничат с казахскими владениями: «Верно служат те, чья земля по Ори», «ворами» становятся те, у кого «владения здесь нет»⁴³.

Кульминацией стал раскол на «верных» и «воровских»: к финалу восстания 1735–1740-х гг. карательные экспедиции нередко шли силами лояльных башкир. Оренбург и цепь крепостей лишили башкир контроля над границей. Это приводит к распаду прежнего единства: формируется слой ориентированных на российскую власть старшин. Иногда «верность» мотивировалась и личной выгодой. Хрестоматийным примером этого является Шерып Мряков – старшина Каршинской волости, вполне порвавший с традиционным полукочевым укладом и приобретший городскую усадьбу. Шерып открыто занимался винными подрядами, будучи судьей шариатского суда. Современники отмечали злоупотребления, включавшие присвоение ясашных денег и торговые монополии. Его биография иллюстрирует появление верного слоя

³⁶ Крадин Н. Н. Империя Хунну. М: Логос, 2001. С. 43.

³⁷ Салихов А. Г. Онготолган тарих битгаре. Эфе: Гилем, 2003. С. 63–64.

³⁸ Валиди А. З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. С. 62.

³⁹ РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л.34. Л. 229.

⁴⁰ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа: Гилем, 2012. С. 47.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1191. Л. 57–61.

⁴² Там же. Оп. 22. Д. 1524. Л. 1–4.

⁴³ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края 1734 года. Оренбург: Оренбургской губ. стат. комитет, 1900. Т. 1. С. 24.

башкирской элиты, расколовшей прежнюю племенную солидарность⁴⁴. С утратой контроля за южной границей начинается лишение башкир прав и привилегий. В 1736 г. власти запрещают йыйыны – центральный механизм политических решений.

После 1735 г. башкирские посольства в столицу утрачивают переговорную природу: состав формируется «сверху» из «доброжелательных» старшин, прием сводится к ритуалу лояльности и раздаче подарков (делегация 1742 г. на коронации Елизаветы Петровны)⁴⁵. Администраторы в провинции прямо называли эти миссии «якобы от народа» и критиковали их «испросившие грамоты» формулы. В целом судьба Башкирской орды иллюстрирует максимуму К. Шмитта: если народ отказывается от трудов политического существования, другой народ берет на себя его защиту и власть⁴⁶.

Что представляла собой военная организация Башкирской орды? Обычно в степных армиях соседей башкир (калмыков, казахов, каракалпаков) ядро составляли дружины правителя и племенное ополчение; наиболее боеспособные (часто иноэтничные) составляли ханскую «гвардию». У башкир же при отсутствии ханских дружин все боеспособные мужчины находились в постоянной готовности. Петр Апраксин (1712 г.) характеризовал башкир как «народ военный»⁴⁷; городские отчеты подтверждают наличие в каждом дворе оружия и доспехов; даже на охоту за Яик выезжали в полном вооружении⁴⁸.

Несмотря на численное превосходство калмыков (оценочно до 80 тыс. в 1620-е гг.), башкиры наносили им чувствительные удары, чем вызывали постоянные обращения тайшей к российскому правительству⁴⁹. Четкая десятичная система в войске башкир проявлялась лишь эпизодически – в восстаниях под руководством чингизидов и преимущественно у зауральцев. При этом гражданско-административное «сотничество» часто не совпадало с полевым.

Появление знамен маркировало включение в иерархии «больших» – ханских или имперских – армий: знамя рассматривалось башкирами как знак делегированной власти. Россия регулярно выдавала сотенные знамена башкирам, участвующим в дальних походах русской армии. При этом в пограничных столкновениях башкиры действовали и без «знаковых» атрибутов. Интересны цвета знамен: белый – имперский монгольский, красный – по ряду интерпретаций связан с западной линией дома Чингисхана (Батый); в 1735 г. у Уфы фиксировано «красное кумачовое» знамя у восставших Ногайской дороги; зеленый имел религиозную коннотацию⁵⁰.

Титулатура руководителей башкирского ополчения предводителей включает батыров, князей, тарханов, старшин, сотников, мулл. Почти все (кроме звания «батыр») – пожалованные статусы, подтверждаемые верховной властью. К началу XVIII в. многие прежние титулы были сведены к тарханству как опоре администрации против старых родовых элит. Во время восстаний тарханство теряет смысл, и выдвигается статус батыра как исключительно военного предводителя. В отличие от казахского социума со строгой стратификацией «белой» и «черной» кости у башкир элитные позиции оставались открытыми. Пленник-калмык мог стать старшиной (случай Бокшурги Назарова); доля тарханов на одной Ногайской дороге в отдельные периоды доходила до четверти взрослого мужского населения. «Батыр» же – статус персональной

⁴⁴ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12205. Л. 63.

⁴⁵ Рахимов Р. Н. «Были в Москве... якобы от народа...»: Поездка башкирских и мишарского старшин в 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы I // Ядьяр. 2001. № 2. С. 34–43.

⁴⁶ Шмитт К. Понятие политического. СПб: Наука, 2016. С. 329.

⁴⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. С. 257.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1649. Л. 56.

⁴⁹ Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 5. С. 57.

⁵⁰ Материалы по истории Башкирской АССР... Ч. 1. С. 213.

доблести: победа в поединке, личная инициатива и командование отрядом. Татищев пишет: батыр – тот, кто «на съезде» убьет противника; такой должен идти «вперед», а прочие ему повинуются⁵¹. Поединок – форма «божьего суда», и общественное признание здесь вторично по отношению к самой победе. При этом батырство – отнюдь не пример меритократии в чистом виде. Кроме доблести и везения батыру требовался хороший доспех и боевой конь, которые стоили дорого. К примеру, батыр Алдар Исекеев – пример сочетания храбрости и материального ресурса. По некоторым источникам выясняется, что он владел 8000 лошадей⁵². Показательно, что в документах 1730-х гг. он фигурирует уже не как «батыр», а как тархан или бай, что косвенно указывает на военный титул «батыра» (не был пожизненным и актуализировался только в ходе боевых действий)⁵³. С начала XVIII в. до 1730-х гг. статистически доля батыров среди подписантов общешкирских челобитных возрастает. Это наглядно отражает милитаризацию башкирского общества, обусловленную усиливающимся натиском казахов. Однако ставка на «батырскую» модель командования имела оборотную сторону: чем дольше и кровопролитнее военные действия, тем быстрее происходит ротация башкирской элиты.

Как командиры башкирского ополчения выстраивали свою тактику в ходе защиты границы? Судя по источникам, обычная тактическая единица – отряд 500–1000, редко до 3000 человек. Сражения, в которых участвовали более крупные силы, удавались башкирам хуже. Успешнее действовали мобильные смешанные партии, использовавшие рельеф и бродовые «узлы»; именно так в 1648 г. разгромили калмыков на реке Армынте. Децентрализованная манера вступала в противоречие с ханской пирамидой командования, но хорошо работала для «длинного» пограничья и набегов. В 1733 г. башкирские отряды зауральских волостей нанесли сокрушительное поражение десяти тысячному войску хана Среднего жуза Семее. Историк С. У. Таймасов упоминал об этом событии следующим образом: «В 1733 г. хан Среднего Жуза Семее потерпел поражение от Таймас-батыра, когда с крупным отрядом совершил набег на Сибирскую дорогу»⁵⁴. Однако ни в фольклорной традиции, ни в топонимике башкир не сохранилось упоминаний о месте сражения, где участвовали тысячи бойцов. Изучение сенатских документов показывает, что лично Таймас Шаимов не мог руководить этими столкновениями, так как боевые действия с казаками происходили одновременно в нескольких волостях. В донесении башкир Куваканской волости Сибирской дороги от сентября 1733 г. Акмулла Камакаев писал уфимским властям: «Те киргиз-кайсацкие войска разделились на три части и нападали на наши улусы порознь, на Китайскую, Табынскую и Куваканскую волости. Мы же, получив известие от посланцев Абулхаир-хана, собрались значительным числом, вооружились и вступили с ними в большой бой. Многих из них побили, многих ранили и захватили до пятисот лошадей, около тысячи копий и ружей и два панциря»⁵⁵. Таким образом, в разгроме Семее участвовали десятки отдельных отрядов.

Какова была общая численность башкирского войска в XVII–XVIII в.? Официальных переписей башкир до конца XVIII в. не проводилось. Кунгурский бургомистр Юхнев (1725–1726 гг.) насчитал 11 655 дворов и оценил мужскую мобилизацию примерно в 40–42 тыс. человек (с оговоркой на недосчитанные волости башкирского Зауралья)⁵⁶. В. Н. Татищев говорил о потенциале до 60 тыс. мужчин, годных к войне⁵⁷.

Знание местности позволило держать оборону границы не сплошной линией, а узловыми караулами на традиционных трактах и бродах (Самара, Кинель; верховья Темеская,

⁵¹ Татищев В. Н. Лексикон. Российский, исторический, политический и гражданский. СПб.: 1793. Ч. 1. С. 119.

⁵² Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII вв. Уфа, 1993. С. 167.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 785. Л. 85.

⁵⁴ Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. С. 24.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 114. Д. 57. Л. 5.

⁵⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. III. С. 484.

⁵⁷ Татищев В. Н. История Российская. М.: Ермак, 2005. С. 273.

Ика, Садефа, Чермасана). Схема удара по переправляющемуся противнику восходит к очень раннему пласту традиций (еще Ибн Фадлан отмечал страх перед башкирским «ударом на броду»)⁵⁸.

Организовывали караулы, как правило, тарханы, они же первыми вступали в бой; при превосходстве врага – подавали сигналы для сбора. К середине XVII в. координация смешанных отрядов разных волостей достигла уровня, когда без единого «хана» ополчение действовало согласованно. Башкиры как их соседи включали в состав своего ополчения воинов из других народов. Но инкорпорация, к примеру, калмыков, отличалась от казахской традиционной практики. В казахских жузах пленники становились тюленгутами – опорой ханской власти (охранниками, полицейскими, сборщиками налогов), то есть инструментом централизации⁵⁹. У башкир же калмыцкий ясырь после освобождения и обязательной санкции российских властей вполне мог стать членом общины, то есть башкиром-вотчинником, а иногда и даже старшиной. В этом отношении показателен пример бывшего пленника башкир-каратабынцев Бокшурги Назарова, ставшего старшиной Терсяцкой волости⁶⁰. Это отражало как политическую логику акефальной системы, так и военную функциональность: калмыки были наилучшим резервом для пополнения конного войска в условиях непрерывных стычек.

После запрета йыйынов (1736 г.) и основания Оренбургской пограничной линии прежняя модель «народ-войско» теряет опору: Башкирская орда перестает выступать перед государством единой военной силой. Этот раскол институционализируется разделением общества на «верных» старшин и «подозрительных». Посольства формализуются; «народные нужды» уходят на второй план.

Подводя итоги, отметим, что Башкирская орда середины XVI – первой трети XVIII в. – это акефальная полития, в основании которой лежат: вотчинное право как имперский «дар Чингисхана», подтвержденный Иваном IV (право собственности, а также право власти и самоуправления на территории), и общая обязанность охраны юго-восточной границы, породившая надобщинные институты (йыйыны) и практику общенародного пользования приграничными ресурсами. Первое обстоятельство объективно препятствовало политической консолидации (каждый род вел дела с центром отдельно), второе – вытягивало к объединению в формат «народ-войско». Внешние империи играли роль верховного арбитра в межродовых конфликтах, компенсируя отсутствие сакрального лидера. Политическая субъектность Башкирской орды базировалась на реальном контроле рубежа и самостоятельной оборонительной практике, а не на ханской титулатуре или дворцовой бюрократии. Распад наступил тогда, когда был утрачен контроль над границей, которая представляла собой материальный фундамент этой субъектности.

⁵⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л.: АН СССР, 1939. С. 66.

⁵⁹ Ишимхамбетов Р. В. Туленгуты в Букеевской орде казахов начало XIX – начало XX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34. С. 40–48.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361–363.

А. В. Мерзанова. Испанский вопрос и государственная безопасность России (XVII–XX вв.)

Испанский вопрос в течение более 300 лет с установления дипломатических отношений между Русским государством и Испанией в 1723 г. и более 350 лет с даты первых контактов в 1667 г. является актуальным, хотя в большинстве случаев и не определяющим в отечественной политике на международной арене.

Удивительным образом при наличии в нашей стране сильной школы испанистики (прежде всего в Институте всеобщей истории Российской академии наук) в историографии преимущественно разработаны вопросы советско-испанских отношений, а конкретно – участия СССР в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Исследования, посвященные дореволюционному периоду российско-испанских отношений, до сих пор носят единичный характер и в основном посвящены вопросам социально-экономической, а не политической истории⁶¹, а место испанского вопроса в обеспечении отечественной государственной безопасности в XVII–XX вв. и вовсе остается *terra incognita*.

Целью настоящей статьи является анализ преломления испанского вопроса в деятельности по обеспечению отечественной государственной безопасности. Безусловно, столь широкие хронологические рамки обуславливают постановку вопроса о приоритетном рассмотрении в них наиболее существенных, значимых событий.

Примечательно, что в историографии до сих пор встречается ошибочное мнение о начале русско-испанских дипломатических контактов в XVI в.⁶² Однако первые русские посольства, принятые в Испании в 1523, 1525 и 1527 гг., были отправлены Василием III к Карлу V не как к испанскому королю, а как к императору Священной Римской империи германской нации. «Испанский вопрос» с императором и вовсе не обсуждался⁶³. Знаковым же для российско-испанских отношений стало следующее столетие.

XVII в. по праву считается «блестящим веком дипломатии»⁶⁴. Завершение Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. ознаменовалось складыванием Вестфальской системы международных отношений, основные принципы которой до сих пор остаются поразительно актуальными. Среди них *raison d'état* (принцип государственного интереса), а также принцип равновесия (баланса сил).

Испания, как и Священная Римская империя германской нации, к тому моменту возглавляемая другой ветвью правящей династии Габсбургов, потерпела поражение от Франции. В соответствии с условиями Вестфальского мира 1648 г. Испания теряла союзника в лице австрийских Габсбургов, которые обязались не оказывать ей помощи в войне с Францией. Следует отметить, что император Священной Римской империи германской нации Фердинанд III нарушил это обязательство, однако в 1658 г. его сын Леопольд I был избран на трон лишь при условии невмешательства во франкоиспанский конфликт. Пиренейский мир, завершив-

⁶¹ Согласно с этим и историки-испанисты: *Волосюк О. В.* Российская историография испано-российских отношений XVIII в.: традиции и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 4. С. 44–57; *Матасова Т. А.* «В Ышпанском государстве воздух здоров и весел»: Петр Потемкин в Испании в 1667–1668 гг. (заметки о новом сборнике документов) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 3. С. 21; История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012. С. 24.

⁶² *Куклина А. С.* Цикличность дипломатических контактов при зарождении взаимосвязей России и Испании // Вестник Пермского университета. 2017. № 2 (37). С. 138–139.

⁶³ *Ведюшкин В. А., Рычаловский Е. Е., Флоря Б. Н.* Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг.: Документы и материалы / Сост. В. А. Ведюшкин, Е. Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018. С. 21.

⁶⁴ См. напр.: *Шварц И.* Австро-русские дипломатические отношения в первые годы Северной войны // Русская и украинская дипломатия в Евразии в 50-е годы XVII века. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 31–46.

ший испано-французскую войну 1635–1659 гг., окончательно закрепил потерю Испанией статуса великой державы.

Для Русского государства, еще не занимавшего столь весомого места на международной арене, Вестфальский мир также имел довольно важное значение, поскольку Россия во главе с царем Алексеем Михайловичем выступила одним из его гарантов.

В свою очередь для России 50–60-е гг. XVII в. ознаменовались ведением русско-польской (1654–1656, 1658–1667 гг.) и русско-шведской (1656–1658 гг.) войн. Заключение Андрусовского перемирия с Речью Посполитой в 1667 г. открыло Русскому государству путь к созданию международной коалиции против другого, более сильного соперника – Османской империи. Турция уже давно пережила пору расцвета своего могущества, но все еще обладала огромными материальными и людскими резервами. В 1650–70-х гг. в правление визирей Кепрюлю, вследствие некоторого упорядочения военной системы и государственного аппарата, Турция смогла вновь усилить свою агрессию против соседних стран.

Следует отметить, что еще до установления первых дипломатических контактов с Испанией Русское государство получало ценные разведывательные сведения по «испанскому вопросу» в ходе посольств в другие европейские государства. Так, в ходе посольства в Священную Римскую империю германской нации в 1658–1660 гг. посланниками стольником Яковом Лихаревым и дьяком Иваном Песковым была получена следующая информация.

Представитель армии Священной Римской империи германской нации полковник Яган Шкот 12 августа 1658 г. в чешском городе Будеевицах рассказывал посланникам Якову Лихареву и Ивану Пескову о помощи, которую оказывала Священная Римская империя германской нации Испании во франко-испанской войне: «...был де он у Шпанского Короля, стояли против Французского Короля, посылал де их Цесарское Величество к Шпанскому Королю из найму, потому что де у Шпанского со Французским всегда война». Посланники получили информацию и о прекращении этой помощи в связи с обязательством избранного Леопольда I: «...И ныне де как обирали Леопольдуса на Цесарство, и говорили ему курфистры и графы, чтоб он помирил Шпанского со Французским; а будет они не помирятся, и он бы своих людей, которых дал на помочь Шпанскому Королю, велел взять и не помогал ему ни в чем; и Леопольдус Цесарь велел своих людей у Шпанского взять. И они де райтари и пехота все из Шпанские земли взяты, поставлены на лежу для кормленья в городех в Будеевицах и в Таборе»⁶⁵.

Кроме того, пристав⁶⁶ Рудольф Фан-Розинов в городе Линце 15 сентября 1658 г. сообщил о сохранении крайне враждебных отношений между Испанией и Францией: «...А Французской де с Шпанским в большой недружбе, бои де большие всегда у них меж себя и по смерти де у Шпанского со Французским дружбы николи не будет»⁶⁷.

Сходную информацию посланники получили и от «думного секретаря» Кароля Людвика Катермаера 16 ноября 1658 г. в Вене. Враждебные отношения между Испанией и Францией он связывал с династическим фактором: «...за Шпанским де Королем нынеча Цесарю нашему Леопольдусу родная сестра, одного отца и матери, а за Леопольдусовым де отцом, за Цесарем Фердинандусом Третьим была Шпанского Короля сестра родная», – и с желанием и Леопольда I, и Людовика XIV жениться на дочерях испанского короля (о генеалогических связях между правящими династиями Священной Римской империи германской нации, Испании и Франции см. таблицу): «...А Государь де наш Цесарь Леопольдус хочет сам жениться у Шпанского Короля на дочери, на племяннице своей родной, и о том де хотят они посылать в Рим к папе Римскому докладывать, велит ли папа жениться? А чаям де, что папа благословит,

⁶⁵ Статейный список Якова Лихарева и Ивана Пескова // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 3. С 1632 по 1660 гг. СПб: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. Стб. 1044.

⁶⁶ Чиновник, исполнявший особое поручение, в данном случае – сопровождение русских посланников.

⁶⁷ Статейный список Якова Лихарева и Ивана Пескова... Стб. 1044–1045.

велит жениться; а Французской де Король сватается ж у Шпанского Короля, хочет жениться на дочери, и про то де у них промеж себя у Цесаря с Французским великая ссора и ненависть»⁶⁸.

Об этом сообщали и торговые немцы Филипп Иванов, Захарей Актабов⁶⁹, Иван и Кондратей Микулаевы⁷⁰ 1 мая 1659 г. в городе Гамбурге: «...пишут де к ним из многих городов, что... Цесарь де Римский Леопольдус сватается ж у Шпанского ж Короля, хочет на дочери его жениться, а на своей племяннице родной – за Шпанским де Королем Цесарю Римскому Леопольдусу родная сестра»⁷¹.

В этих условиях и были установлены первые двусторонние контакты между Россией и Испанией⁷², а испанский вопрос стал учитываться при обеспечении отечественной государственной безопасности.

В 1667–1668 гг. в Испанию отправилось посольство во главе с царским стольником Петром Ивановичем Потемкиным⁷³. Формальной его целью объявлялось оповещение испанского короля Карла II о заключении перемирия с Речью Посполитой. Фактически же посольство было направлено в Испанию для изучения возможности ее вступления в антитурецкую коалицию. Однако, несмотря на предпринятые усилия, ни оно, ни последующие посольства (1672–1674 гг. – Андрей Виниус, 1680–1682 гг. – Петр Потемкин и Семен Полков, 1687–1688 гг. – Яков Долгоруков и Яков Мышецкий) так и не смогли побудить Испанию к вступлению в войну с Османской империей.

Прежде всего это было связано с различиями в первостепенных задачах, стоящих перед каждым из государств на международной арене и соответствовавших их государственным интересам. Так, для России главную угрозу представляла Османская империя, тогда как для Испании таким противником являлась Франция во главе с королем Людовиком XIV. Таким образом, в указанный период не произошло пересечения государственных интересов Русского государства и Испании.

Ситуация несущественно изменилась и в начале XVIII в., когда оба государства были заняты важнейшими вопросами, стоящими на международной арене: Россия – получением господства на Балтике в ходе Северной войны 1700–1721 гг., Испания – борьбой с Францией и Англией за «испанское наследство» 1701–1714 гг., – но решали указанные задачи параллельно, не опираясь на помощь друг друга.

В ходе войны за «испанское наследство», развернувшейся после смерти последнего из династии испанских Габсбургов, больного и бездетного короля Карла II, победу одержал основатель испанской ветви Бурбонов Филипп V, внук французского короля Людовика XIV⁷⁴.

⁶⁸ Там же. Стб. 1048–1049.

⁶⁹ Гамбургский купец Захар Актабов: Российский государственный архив древних актов. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Полоняничного приказа и Посольской канцелярии. Именной указатель. М.: РГАДА, 2012. С. 4.

⁷⁰ Гамбургский купец Кондратий Микулаев: Российский государственный архив древних актов. Ф. 141. Приказные дела старых лет – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, приказа сбора ратных людей, приказа Великого княжества Литовского, приказа Тайных дел, Полоняничного, Малороссийского, Смоленского и Счетного приказов. Оп. 3. 1658 г. Стб. 134 // Цит. по: Дёмкин А. В. «Росписи караблем» западноевропейских купцов, составленные в Архангельске в 1658 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Б. Г. Литвак. М.: Академия наук СССР, 1987. С. 105.

⁷¹ Статейный список Якова Лихарева и Ивана Пескова... Стб. 1061.

⁷² О предпосылках см.: Клибанов А. И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (XV–XVI вв.) // Россия и Испания. Историческая ретроспектива / Ин-т всеобщей истории Академии наук СССР. М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1987. С. 5–47.

⁷³ Ведюшкин В. А., Рычаловский Е. Е., Флоря Б. Н. Ведюшкин В. А., Рычаловский Е. Е., Флоря Б. Н. Посольство П. И. Потемкина в Испанию... С. 21–68.

⁷⁴ Ивошина Л. И. Война за испанское наследство. 2-е изд., доп. Смоленск: СмолГУ, 2010. 320 с.

В 1717 г. послом Борисом Куракиным была получена грамота к русскому царю от короля Филиппа V о желании восстановить «добрую корреспонденцию» и утвердить «добрую дружбу» между двумя монархиями. Успешное окончание Северной войны побудило Петра I направить в Мадрид в 1721–1722 гг. посольство во главе с Питером Бределем.

Усилия обоих дипломатов не прошли даром: была получена информация о готовности Испании к установлению дипломатических отношений с Русским государством, после чего в качестве постоянного дипломатического представителя в Мадрид был направлен Сергей Голицын.

Примечательны указания, данные Голицыну: «розведывать о состоянии и предприятиях» испанского двора, «а особливо в какой дружбе и обезательствах король гишпанской обретается с другими державами, а наипаче с Франциею. И не намерен ли оной начать войну в Италии с цесарем или с Англиею»⁷⁵, «прилежно разведывать и смотреть о обращении гишпанского флота и о том в реляциях своих всегда доносить, ибо сии ведомости здесь всегда потребны; також де изволите потрудиться подлинно проведать, совершенно ли между гишпанским и французским двором трактат, зовомой ассиенто⁷⁶, заключен; и ежели сие конечно учинено, то из того мочно видеть, что чрез оное Гишпания с Франциею тесно обязались, с исключением Англии»⁷⁷.

Указанный документ довольно интересен и тем, что показывает существенные отличия в роли русских дипломатов в XVII и XVIII вв. Так, в наказах⁷⁸, даваемых послам, посланникам и гонцам в XVII в., совершенно немыслимо встретить объяснения, с какой целью им поручалось выяснить ту или иную разведывательную информацию и как ее можно было интерпретировать. Им вменялось в задачу добывание сведений и их изложение в статейном списке⁷⁹, а также при необходимости в вестях (отписках), направляемых в Русское государство незамедлительно ввиду их срочности⁸⁰. Очевидно, что статус постоянного дипломатического представителя в XVIII в. предполагал значительно большую самостоятельность и необходимость понимания им хитросплетений внешней политики страны пребывания.

В свою очередь в 1726 г. Испания направила в Российскую империю постоянного посла – герцога де Лириа-и-Херика.

Следует отметить, что в XVIII в. в международных отношениях все больше возобладал принцип государственного интереса. Если в XVII в. австрийские и испанские Габсбурги оказывали помощь друг другу, подчас подвергая свои государственные интересы существенной угрозе, но все же объединяясь в борьбе с их главным противником – Францией, то уже в

⁷⁵ Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1. 1667–1799. М.: Международные отношения, 1991. С. 73 // Цит. по: Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. С. 61.

⁷⁶ Асиенто, асьенто, асиенто де негрос (исп. *asiento de negros*) – контракт на право торговли африканскими рабами, заключавшийся испанским правительством с юридическими лицами и предоставлявший им право ввоза рабов в испанскую часть Америки. В XVI–XVII вв. торговля африканскими рабами являлась одной из наиболее весомых статей дохода испанской монархии. Изначально ассиенто заключалось правительством с испанскими купцами. В 1701 г. оно впервые было заключено с иностранным государством – Францией. В 1713–1750 гг. монополией на ассиенто владела Англия, с 1750 г. вплоть до запрета работорговли в Испании в 1817 г. сама испанская монархия // См.: Дипломатический словарь / А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. Т. I. АК. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 181–182.

⁷⁷ Уляницкий В. Русские консульства за границей в XVIII веке. Кн. 1–2. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 134 // Цит. по: Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. С. 61–62.

⁷⁸ В наказе послам, посланникам или гонцам прописывалось, как вести себя в той или иной ситуации и отвечать на те или иные вопросы. Именно наказом должны были руководствоваться послы, посланники или гонцы в своей деятельности в ходе посольства.

⁷⁹ Статейный список послов, посланников или гонцов – это наиболее обширный документ посольства. В статейном списке ход посольства описывался по дням.

⁸⁰ Отписки, или вести касались текущего международного положения, тех вопросов, о которых нужно как можно быстрее, не дожидаясь возвращения посольства, сообщить государю.

XVIII в., когда на испанском троне Габсбургов сменили исконно французские Бурбоны, прочному австро-испанскому союзу пришел конец. Священная Римская империя германской нации и Испания теперь выступали в качестве союзников лишь тогда, когда это отвечало государственным интересам каждой из них.

Династически же Испания теперь имела, безусловно, более прочные отношения с некогда враждебной ей Францией.

Когда испанские и французские Бурбоны вступили в союз с Англией (Севильский союзный договор 1729 г.), Священная Римская империя германской нации во главе с императором Карлом VI и Российская империя, возглавляемая императрицей Анной Иоанновной, в 1730–1731 гг. отзывали своих постоянных дипломатических представителей из Мадрида.

Однако в середине XVIII в. проявился один из парадоксов международных отношений той эпохи. Несмотря на разрыв дипломатических отношений, Россия и Испания выступили в качестве союзников в Семилетней войне 1756–1763 гг. в составе коалиции (совместно с Францией, Швецией, Священной Римской империей германской нации, в том числе входящими в нее Саксонией и рядом других германских государств) против Пруссии, Англии и Португалии. Российская империя и Испания не вели в ходе войны совместных боевых действий, сосредоточившись на противостоянии: Россия – с Пруссией, Испания – с Португалией (отделившейся от нее в 1640 г.) и Англией.

Фактически можно утверждать, что по результатам Семилетней войны и Россия, и Испания оказались проигравшими сторонами. Смерть российской императрицы Елизаветы Петровны и воцарение Петра III, восхищавшегося прусским королем Фридрихом II и заключившего с ним союз с возвратом всех завоеванных русскими войсками территорий, не случайно вошли в историю как «чудо бранденбургского дома», спасшее Пруссию от поражения в войне. Испания была вынуждена отдать Португалии Сакраменто, Англии – Флориду (взамен получив Гавану и Манилу).

Между тем, Испания, заключив в 1761 г. Бурбонский семейный пакт с Францией, обрела в ее лице мощного союзника Их альянс казался настолько прочным, что вошел в историю как «сердечное согласие» или, по выражению испанского историка В. Паласио Атарда, «медовый месяц» испано-французских отношений⁸¹.

При этом испанский король Карл III понимал необходимость восстановления дипломатических отношений с Россией. В 1759 г. он направил соответствующую грамоту Елизавете Петровне, в которой, в отличие от своих предшественников, признал ее императрицей со всеми титулами, а Россию – империей (хотя этот статус Россия получила еще в 1725 г.).

Это привело к возобновлению дипломатических отношений. В Россию прибыл посланник Педро де Альмодовар (1761–1763 гг.). Русский посланник Петр Иванович Репнин появился в Испании в 1762 г.

В период правления Екатерины II отношения с Испанией значительно осложнились позицией имевшего большое влияние на императрицу главы российской внешней политики Никиты Ивановича Панина, считавшего «Мадридский двор тению Версальского». После его отставки в 1781 г. пришедший на смену Александр Андреевич Безбородко выступил против такой оценки испанской внешней политики.

В 1763–1765 гг. интересы России представлял Петр Александрович Бутурлин, в 1766–1771 гг. – Отто-Магнус Штакельберг⁸². В течение 20 лет, в 1772–1792 гг., постоянным представителем Российской империи в Испании являлся Степан Степанович Зиновьев.

⁸¹ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. С. 141.

⁸² Волосюк О. В. Отто-Магнус Штакельберг – дипломат екатерининской эпохи // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 156–176.

В годы Французской революции монархические Россия и Испания по понятным причинам выступали против свержения Бурбонов и провозглашения республики.

Екатерина II, инициировавшая созыв конгресса европейских держав с целью восстановления монархии, рассматривала Испанию в качестве возможного союзника. Однако испанский двор, изначально склонявшийся к выступлению против Франции, после отставки государственного секретаря графа де Флоридабланки и прихода ему на смену графа де Аранды занял позицию строгого нейтралитета. Известно, что де Аранда считал позицию Российской империи обманом с целью втянуть все европейские государства в войну с Францией и развязать себе руки для действий в Речи Посполитой.

Несмотря на имевшееся недоверие, уже в 1793 г. и Россия, и Испания вошли в состав первой антифранцузской коалиции.

Однако вскоре именно французский вопрос привел к расхождению в позициях двух государств. Если российская императрица Екатерина II категорически не приняла Французскую революцию, то испанский король Карл IV заключил с Французской республикой антианглийский военный союз, подписав в 1795 г. Базельский и в 1796 г. Сан-Ильдефонский договоры.

В начале XIX в. российско-испанские отношения преимущественно определялись выстраиванием каждым из государств диалога с наполеоновской Францией.

В 1807 г. между Испанией и Францией был подписан договор в Фонтенбло, на основании которого юг Португалии, занятой к тому времени французскими войсками, был обещан Наполеоном Мануэлю Годю, фавориту испанской королевы-консорты Марии Луизы Пармской. Тем временем на состоявшемся в том же году Эрфуртском съезде русский император Александр I и французский король Наполеон достигли договоренности о невмешательстве России в «испанский вопрос» и оказании помощи Франции в случае нападения на нее Священной Римской империи германской нации. В обмен Российская империя получала Финляндию (так подтверждались еще и условия заключенного в 1807 г. Тильзитского мира), Молдавию и Валахию.

Уже в 1808 г. «королем Испании и Индий» был провозглашен⁸³ брат Наполеона Бонапарта – Жозеф I Бонапарт. В Испании вспыхнула Война за независимость, в годы которой (1808–1813 гг.) от имени короля Фердинанда VII провозглашалось управление государством Центральной Правительственной Хунтой во главе с ее президентом – графом де Флоридабланкой. В годы войны за независимость Хунта не оставляла попыток заключения испано-российского союза, которые были реализованы подписанием договора в Великих Луках в 1812 г., после вторжения французских войск в Россию⁸⁴.

Отечественная война 1812 г. и последовавшая заграничная кампания 1813–1814 гг. завершились полным поражением Франции. По результатам Шомонского договора, подписанного в 1814 г. четырьмя великими державами (Россия, Австрия, Пруссия и Великобритания), в Испании было закреплено восстановление власти династии Бурбонов (фактически осуществившееся годом ранее).

По результатам Венского конгресса, заложившего в 1815 г. основы новой – Венской – системы международных отношений, были закреплены принципы равновесия сил (один из основных в Вестфальской системе), легитимизма, монархического авторитета и солидарности.

⁸³ Формально – избран Генеральной депутацией из представителей духовенства, дворянства и городов Испании, приглашенных Наполеоном в Байонну // *Медников И. Ю.* Династический кризис в Испании в начале XIX века и реакция России // *Россия и Европа: Дипломатия и культура / Ин-т всеобщей истории. Вып. 3 / Отв. ред. А. С. Намазова. М.: Наука, 2004. С. 28–56. С. 28, 40.*

⁸⁴ Пожарская С. П. Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XIX вв. (факторы интереса) // *Россия и Испания. Историческая ретроспектива / Ин-т всеобщей истории Академии наук СССР. М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1987. С. 56.*

Испанские революции в 1808–1814, 1820–1823 гг. и принятие Конституции в 1812 г. были восторженно восприняты будущими декабристами – участниками восстания на Сенатской площади в 1825 г.⁸⁵

В 1833 г. в связи с отказом императора Николая I признать Изабеллу II испанской королевой, дипломатические отношения между Россией и Испанией были разорваны. В 1856 г., спустя год после смерти Николая I и воцарения Александра II, они были возобновлены⁸⁶.

Во второй половине XIX в. внешняя политика Испании была устремлена преимущественно на урегулирование проблем в своих латиноамериканских колониях, прежде всего на Кубе. Восстания против испанского владычества в 1867–1878 гг. и 1895 г. завершились испано-американской войной 1898 г., по итогам которой Испания отказалась в пользу США от Кубы (при этом еще и выплатив ее долг в 400 млн долларов), Филиппин, островов Гуам и Пуэрто-Рико. В результате Куба получила независимость де-юре и американский контроль ее внешней политики де-факто. Несмотря на заинтересованность Испании во вмешательстве Российской империи, русский посол в Мадриде Шевич еще в 1896 г. сообщил министру иностранных дел Испании Пио Гутьеру, что его государство не может вмешаться в конфликт, не скомпрометировав себя⁸⁷.

Российская внешняя политика в этот период фактически не имела общих точек соприкосновения с испанской.

XX в. стал для обоих государств временем суровых потрясений. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Испания занимала позицию нейтралитета, тогда как Россия выступала в составе коалиции стран Антанты.

При этом оба государства прошли в 1917 г. как военный, так и социальнополитический кризисы. Посол России в Испании А. В. Неклюдов передавал информацию, что часть денежных средств на организацию испанских забастовок летом 1917 г. передана германскими агентами с целью вызвать правительственный кризис, в результате которого должность премьер-министра получил бы М. Гарсиа Прието, известный своими германофильскими взглядами. Как писал советник российского посольства Ю. Я. Соловьев, «королю и кабинету Дато – а он, вероятно, останется еще некоторое время у власти – придется с большим трудом лавировать между Сциллой – военной диктатурой хунт – и Харибдой – выступлением революционного пролетариата»⁸⁸.

После Октябрьской революции 1917 г. и расстрела царской семьи Романовых в 1918 г. дипломатические отношения были прерваны испанскими Бурбонами и восстановлены уже в годы Второй Испанской Республики (1931–1939 гг.), а именно в 1933 г. де-юре и в 1936 г. де-факто.

Примечательно, что Испания, как и Россия, также пережила Октябрьскую революцию, только не в 1917 г., а в 1934 г.

Истории оказания Советским Союзом помощи Испанской республике в годы Гражданской войны 1936–1939 гг. посвящены свыше 20 тысяч научных трудов. Как писал испанский

⁸⁵ Там же. С. 59; *Додолев М. А.* Русское общество и события в Испании в первые годы правления Фердинанда VII (1814–1819 гг.) // *Россия и Испания. Историческая ретроспектива* / Ин-т всеобщей истории Академии наук СССР. М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1987. С. 65, 76.

⁸⁶ *Бургос М. Э.* Отношения между Испанией и Россией в период Реставрации // *Россия и Испания. Историческая ретроспектива* / Ин-т всеобщей истории Академии наук СССР. М.: Производственно-издательский комбинат ВИНТИ, 1987. С. 78–92.

⁸⁷ Там же. С. 87.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917 г. Д. 32. Л. 112, 151–152 // *Медников И. Ю.* Кризис 1917 года в Испании // *Испанский альманах* / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 254, 264, 266.

исследователь Анхель Виньяс, «Гражданская война в Испании немыслима без своего международного аспекта»⁸⁹.

Основными аспектами советской помощи республиканцам было направление военных советников и специалистов в составе интернациональных бригад (из 2083 советских добровольцев 772 были летчиками), поставка военной техники, оружия и боеприпасов за счет продажи 510 тонн испанского золота, переданного в СССР в качестве депозита («Операция Х»⁹⁰). 2873 испанских ребенка были эвакуированы в СССР⁹¹. Советский генеральный консул СССР в Испании Владимир Александрович Антонов-Овсеенко и вовсе стал для испанцев живым символом революции, а имена Наума Исааковича Эйтингона, Якова Исааковича Серебрянского, Иосифа Ромуальдовича Григулевича и других советских разведчиков навсегда неразрывно связаны с Испанией. Так, например, в 1937–1939 гг. сотрудник ГУГБ НКВД СССР С. А. Ваупшасов находился в командировке в Испании в качестве старшего советника при штабе 14-го Партизанского корпуса республиканской армии по разведывательно-диверсионным операциям (под псевдонимами «Шаров» и «Альфред»). После поражения республики, рискуя жизнью, вывез республиканские архивы.

Кроме того, советский полномочный представитель Марсель Розенберг также пытался влиять на внутреннюю политику испанского правительства, что вызывало отрицательную реакцию Москвы. В 1937 г. он был отозван из Мадрида, а год спустя расстрелян. Эта же участь постигла и следующего советского полпреда в Испании Леонида Яковлевича Гайкиса.

Сменивший его Сергей Григорьевич Марченко (Татеос Гегамович Мандалян) вызывал большое доверие у испанского премьер-министра Хуана Негрина, так что по его просьбе он принимал участие в расследовании смерти Андреу Нина. Марченко был арестован в 1939 г. и расстрелян в 1941 г.

После поражения республики и прихода к власти каудильо Франсиско Франко (1939–1975 гг.) дипломатические отношения между СССР и Испанией были разорваны.

В годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. официально внешнеполитический статус Испании определялся как «нейтралитет» в сентябре 1939 г. – июне 1940 г., «невоюющая сторона» в июне 1940 г. – октябре 1943 г. и «строгий нейтралитет» в октябре 1943 г. – мае 1945 г.⁹². Однако Испания, очевидно, симпатизировала странам «оси» (Германия, Италия, Япония). Так, в 1941–1943 гг. на восточном фронте воевала «добровольческая» испанская «голубая дивизия», созданная по требованию фалангистов-экстремистов⁹³ (250-ая дивизия вермахта, 45 482 человека).

В связи с этим в противовес франкистскому режиму, оценивавшемуся в СССР как фашистский и союзнический Гитлеру, осуществлялась поддержка испанских коммунистов. В феврале 1945 г. на встрече И. В. Сталина, Г. М. Маленкова и Л. П. Берии с генеральным секретарем Коммунистической партии Испании Долорес Ибарури они заявили о готовности СССР к поставкам оружия испанским отрядам, находящимся на юге Франции и в Испании. Кроме того, поднимался вопрос о будущем Испании после свержения режима Франко⁹⁴.

⁸⁹ Viñas A. Guerra, dinero, dictadura. Madrid, 1984. P. 17 // Цит. по: Пожарская С. П. Исторические корни гражданской войны в Испании (1936–1939): взгляд из XXI века // Испанский альманах / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 15.

⁹⁰ Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939 гг.). М.: АИРО-XX, 2000. С. 32–33.

⁹¹ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. С. 282, 292, 318. В годы Великой Отечественной войны часть из эвакуированных испанских детей пережила блокаду Ленинграда. Многие из них возвратились на Родину в 1956–1957 гг.

⁹² Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида (внешняя политика Испании в годы Второй мировой войны). М.: Международные отношения, 1971. С. 242.

⁹³ Там же. С. 243.

⁹⁴ Ибарури Д. Воспоминания. М., 1988. Кн. 2. С. 102–103; Исторический архив. 1996. № 4. С. 92 // Цит. по: Сагомонян А.

В 1945 г. «испанский вопрос» обсуждался на Потсдамской конференции. И. В. Сталиным было предложено оказать поддержку «демократическим силам» в Испании. Однако эта идея не была поддержана союзниками.

В 1947 г. состоялся ряд секретных встреч между доверенными лицами СССР и Испании, которые, тем не менее, не привели к восстановлению дипломатических отношений⁹⁵. Однако в 1948 г. по личному указанию И. В. Сталина была прекращена поддержка антифранкистского партизанского движения, а руководство Коммунистической партии Испании получило указание искать новую тактику борьбы.

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. политика, проводимая в отношении Испании Н. С. Хрущевым, носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, в 1955 г. Испания была принята в Организацию объединенных наций при поддержке СССР. В то же время в 1960 г. в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН Хрущев назвал Франко «палачом испанского народа».

В 1975 г., после смерти каудильо, сторонники франкизма и их политические оппоненты смогли перейти, по меткому выражению российских испанистов, «от языка оружия к оружию языка»⁹⁶. Власть в Испании вернулась к династии Бурбонов – теперь уже королю Хуану Карлосу I (1975–2014 гг.).

В 1977 г. дипломатические отношения с СССР были восстановлены. Испанским послом стал Хуан Антонио Самаранч, а советским – Сергей Александрович Богомолов.

Так, с начала русско-испанских дипломатических отношений и вплоть до настоящего времени деятельность по обеспечению отечественной государственной безопасности на данном направлении в основном осуществлялась по линии получения информации по «испанскому» и другим международным вопросам. Исключением стал период Гражданской войны в Испании, когда Советский Союз оказывал непосредственную военную помощь Республике. Лозунги республиканцев «Они не пройдут!» («Но пасаран!»)⁹⁷ и «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»⁹⁸ вызывали живой отклик в сердцах советских граждан.

Дипломатические связи России и Испании – яркий пример периодически возобновляемых и прекращаемых двусторонних отношений, которые, находясь на периферии интересов каждого из государств (в том числе в части обеспечения государственной безопасности), в определенный период времени (которым стала Гражданская война) определяли геополитическую картину Европы.

А. Испанский вопрос в политике СССР в преддверии холодной войны // Испанский альманах / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 272.

⁹⁵ Сагомонян А. А. Испанский вопрос в политике СССР в преддверии холодной войны // Испанский альманах / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 290.

⁹⁶ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. С. 18.

⁹⁷ Перефразирован из речи по радио члена Политбюро ЦК компартии Испании Долорес Ибарури: «Но они не пройдут! Вся Испания поднялась на борьбу... Все на ноги – в бой»: Mundo obrero. 1936. 20 de julio // Цит. по: Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х»... С. 15.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 12. Д. 34. Л. 108 // Цит. по: Там же.

Л. В. Лукьянчикова. Обеспечение государственной безопасности в национальных окраинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Царства Польского)

Во второй половине XIX столетия Российская империя являлась государством, имевшим в своем составе территории с особым автономным статусом, к числу которых относилось и Царство Польское. Включение в 1815 г. в состав Российской империи Царства, где население составляли преимущественно поляки со своими историческими, культурными традициями и юридическим бытом, с точки зрения обеспечения государственной безопасности было серьезной проблемой. С одной стороны, политика российского самодержавия в отношении присоединяемых территорий традиционно была ориентирована на поддержание существующего порядка коренного населения. С другой стороны, череда восстаний и революционных выступлений, охвативших регион в 1830-е – 1860-е гг., инициировала российским правительством механизм включения управления Царства Польского на общих основаниях с губерниями имперской России. Местоположение и специфика жизнедеятельности региона требовала от царского самодержавия тщательно продуманной политики в области обеспечения государственной безопасности.

Так, согласно Положению «О главном управлении войсками, входящими ныне в состав 1-ой армии» от 6 июля 1862 г., в целях укрепления безопасности в Царстве Польском высшую власть (как военную, так и гражданскую) представлял наместник Его Императорского Величества. В непосредственном ведении наместника находился 3-й округ Корпуса жандармов, а также жандармские команды. Наместник представлял собой высшую власть в регионе, более того, ему были даны и чрезвычайные полномочия: право отрешать от должности, высылать из войск и предавать суду всех, кого посчитает нужным, без различия звания и чина. Кроме того, «в решении военно-судных дел» наместник пользовался правами Главнокомандующего армией; им же утверждались приговоры военных судов, в том числе по делам о политических преступлениях. Ближайшим помощником наместника по военной части являлся командующий войсками в Царстве Польском. Последнему как командиру отдельного корпуса подчинялись полевые и местные войска, разного рода военные учреждения, а также войска западного крепостного артиллерийского, западного инженерного округов, саперная бригада, донские казачьи полки и иррегулярные части, находящиеся в крае⁹⁹.

Также в 1864 г. вместо упраздненной особой Канцелярии по делам военного положения в Царстве Польском было введено Управление генерал-полицмейстера¹⁰⁰. Согласно Положению «О губернском и уездном управлении Царства Польского» от 19 декабря 1866 г., было вдвое увеличено число губерний (вместо пяти стало десять), охватывающих восемьдесят пять уездов. Губернию возглавлял губернатор, уездами управляли уездные начальники. В уездах, граничащих с Пруссией, уездные начальники являлись пограничными комиссарами, а в уездах, граничащих с Австрией – представителями местной администрации (прим. ст. 88 Положения). В каждом уезде для поддержания порядка и общей безопасности имела земская стража, команды которой через уездного начальника подчинялись губернатору. Служебные права губернатора соотносились с таковыми других губерний имперской России. Вопросы, касающиеся особой тайны, военные и политические, подлежали личному его распоряжению

⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XXXVII. Ч. 1. 1862. № 38452. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1865. С. 660.

¹⁰⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIX. Ч. 1. 1864. № 40482. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1867. С. 44.

без участия губернского правления. В случае болезни губернатора все управление губернией передавалось вице-губернатору¹⁰¹.

Земская стража в Царстве Польском представляла собой особые полицейские команды в городах и уездах, предназначенные для надзора, охранения порядка и общественной безопасности и для исполнения полицейских распоряжений. Согласно Положению «О земской страже», учрежденному также 19 декабря 1866 г., в нее вошли имевшиеся ранее в регионе «городские полицианты», уездные жандармские команды и т. п. Исключение составляли жандармские команды крепостей и железных дорог, а также городская полиция Варшавы. Общее руководство земской стражей было под началом наместника, непосредственное ее руководство вверялось Главному директору правительственной комиссии внутренних дел царства¹⁰².

Преобразованию в регионе подверглись и жандармские органы. Третий жандармский округ, образованный на территории Царства Польского 27 февраля 1832 г.¹⁰³ и подтвержденный Положением «О Корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г.¹⁰⁴, Положением «О Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г., был переименован в Варшавский жандармский округ, с образованием жандармских управлений не только на губернском, но и на уездном уровнях¹⁰⁵.

Все это говорило о желании царского правительства в скорейшие сроки провести ряд мер, способствующих противодействию в польской окраине проявлениям, угрожающим безопасности Российской империи в целом. Таких проявлений было не мало. Например, польское националистическое движение, несмотря на подавление восстаний 1830-х, 1860-х гг., по-прежнему сохраняло свой мобилизационный потенциал. Широкое распространение революционной идеологии среди населения Царства Польского в 1870-е – 1890-е гг. гармонично сочеталось с идеей национальной независимости, что в разы усиливало общественную напряженность. Также серьезную опасность представляли подрывная деятельность иностранных государств на данной территории, беспорядки, сопровождающиеся крестьянскими антиправительственными выступлениями и насилием против еврейского населения и т. п. Весьма насыщенный документооборот между III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярией (далее – III Отделение С. Е.И.В.К.), а затем и Департаментом государственной полиции министерства внутренних дел (далее – МВД) с управлением Варшавского жандармского округа, губернских жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог, жандармских пограничных пунктов и жандармских уездных управлений является прямым тому доказательством.

Так, «большую государственную важность» представляла борьба с революционной пропагандой. Согласно секретным циркулярам III Отделения С. Е.И.В.К. от 28 августа и 18 сентября 1878 г., революционная агитация посредством распространения через почту объявлений «русского социально-революционного комитета» получила массовый характер. Особенно подверженной революционным идеям была молодежь, в связи с чем был принят ряд мер. В первую очередь жандармским чинам предписывалось усилить негласное расследование в отношении распространителей преступных объявлений, вследствие чего чинам отдельного корпуса жандармов, производящих дознание по политическим преступлениям, предоставлялось право, ранее имеющееся у полиции, по просмотру подозрительных телеграмм¹⁰⁶. Также секретным циркуляром МВД (12 июля 1894 г.) под особое наблюдение попадали типографии и их владельцы, так как «участились случаи пропажи из типографий шрифта, похищаемого и прода-

¹⁰¹ Там же. Т. XLI. Ч. 2. 1866. № 44012. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1865. С. 426.

¹⁰² Там же. № 44013. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1865. С. 448.

¹⁰³ Там же. Т. V. Ч. 1. 1832. № 5192. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1833. С. 109.

¹⁰⁴ Там же. Т. XI. Ч. 1. 1836. № 9355. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1837. С. 772.

¹⁰⁵ Там же. Т. XLII. Ч. 2. 1867. № 44956. СПб.: тип-я II Отделения С. Е.И.В.К., 1871. С. 73.

¹⁰⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1662. Оп.1. Д. 3, л.4–5.

ваемого или же закладываемого в частные руки владельцами этих учреждений, иногда в количествах, превышающих несколько пудов»¹⁰⁷.

Кроме того, с 1882 г. был установлен негласный надзор за бывшими воспитанниками Императорского Варшавского русского университета, Варшавской ветеринарной школы, Новоалександрійского института сельского хозяйства и лесоводства (Варшавский учебный округ), исключенными за невзнос учебной платы и «по неодобрителному поведению»¹⁰⁸. Именно такой контингент, по справедливому мнению властей, был податлив к вступлению в противозаконные сообщества революционной направленности. Так, в 1878 г. в Варшаве жандармы арестовали 60 членов революционной организации, в которой состояла польская молодежь. Здесь же следует указать о выявлении чинами жандармского корпуса польского фонда в Париже (1882 г.), в задачи которого входило в том числе развитие революционного движения в Царстве Польском¹⁰⁹.

Императорский Варшавский университет.

Революционная пропаганда тесно переплеталась с националистическими настроениями населения. Реакция властей в ответ на это была довольно адекватной. В крае запрещалось пение польских революционных песен, и, как следует из секретного циркуляра начальника Варшавского губернского жандармского управления, адресованного начальнику жандармского управления Влоцлавского и Нешавского уездов от 20 марта 1891 г., в случае подобных проступков чины общей полиции осуществляли производство дознаний, жандармские чины осуществляли негласный сбор точных и обстоятельных сведений по возникшему обвинению и предоставляли подобные донесения по команде¹¹⁰.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

¹⁰⁹ *Ананьев С. В.* Деятельность местных жандармских органов по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи (1870–1890-е годы) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-mestnyh-zhandarmskih-organov-po-obespecheniyu-gosudarstvennoy-i-obschestvennoy-bezopasnosti-v-privislinskom-krae> (дата обращения: 24.09.2025).

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 7.

Кроме того, в регионе, как и во всем Северо-Западном крае Российской империи, проводилась политика русификации, причем многоаспектная. Поскольку русский язык являлся в стране официальным, для оптимизации делопроизводства в общегосударственных интересах в Царстве Польском необходимо было расширить его применение и увеличить число тех, кто им свободно владеет¹¹¹. В рамках программы интенсивной деполонизации с середины 1860-х гг. в сфере образования в учебных заведениях польские учителя были почти полностью заменены русскими, преподавание в школах осуществлялось на русском языке, кроме закона Божьего и родного языка (с 1885 г.); запрещалось использование польского языка в административных учреждениях и общественных местах, а также в коммерческой переписке¹¹². Был увеличен приток чиновников из центральной части Российской империи: с 1862 по 1897 гг. в Царстве Польском число русских чиновников выросло с нескольких сотен до примерно 11,5 тыс.¹¹³. В рамках русификации название региона заменяется на понятие «губернии Привисленские». С 1887 г. наиболее употребительным явилось словосочетание «Привислинский край», хотя в действующем законодательстве и официальной переписке наименование «Царство Польское» сохранилось¹¹⁴. Наконец, с 1 февраля 1894 г. вся официальная переписка, исходящая от духовных лиц и учреждений римско-католического вероисповедания в губерниях Царства Польского, велась на русском языке, за исключением лишь тех документов, которые по каноническим правилам должны были писаться на латыни¹¹⁵.

При этом следует отметить, что генерал-губернатор Привислинского края И. В. Гурко, хоть и являлся проводником правительственного курса Александра III, но вместе с тем был сторонником ненасильственного обрусения поляков, о чем свидетельствуют его всеподданнейшие доклады императору. И. В. Гурко указывал на ненормальность некоторых мероприятий обрусительного характера, на презрительное отношение в школе к польскому ребенку, оскорбляющее его национальные чувства и религию, что в итоге вызывало ненависть к русскому правительству и местной власти. Поэтому, по мнению Гурко, следовало улучшить качество местной администрации и деятельность учреждений в крае, оградить население от произвола и злоупотребления властей, способствовать повышению благосостояния населения и его экономического развития¹¹⁶.

Стоит заметить, что в отношении русификации Царства Польского в науке по-прежнему нет однозначного мнения. С одной стороны, русификация рассматривается как «правительственные меры в просвещении, направленные на деградацию польского общества и его сознания»¹¹⁷. С другой стороны, резюмируется, что владение поляками русским языком способствовало карьерному росту и самореализации без утраты национальной идентичности и, напротив, ее культурно обогащало¹¹⁸.

¹¹¹ Лопатина Е. Б. Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг. Автореферат ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 30

¹¹² Капитанова О. С. Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в. // ЦЕИ. 2020. № 2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sfere-obrazovaniya-v-zapadnyh-guberniyah-rossii-i-tsarstve-polskom-v-xix-v> (дата обращения: 24.09.2025).

¹¹³ Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-v-tsarstve-polskom-vo-vtoroy-pолоvine-xix-v-i-nachale-xx-v> (дата обращения: 24.09.2025).

¹¹⁴ Бахтурина А. Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917 г.). М.: Дис. ... д-ра ист. наук, 2006. С. 22.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹¹⁶ Апаньев С. В., Климов А. А. Генерал-губернатор И. В. Гурко: проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи. *Via in tempore. История. Политология*. 2024. № 51 (2). С. 406–415.

¹¹⁷ Полохович В. А. Польская национальная идентичность в контексте имперской политики русификации // Вестник НАСА. 2018. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskaya-natsionalnaya-identichnost-v-kontekste-imperskoj-politiki-rusifikatsii> (дата обращения: 12.11.2025).

¹¹⁸ Лопатина Е. Б. Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг. С. 30.

Профессор Института истории науки Польской академии наук И. Шиллер-Валицкая отмечала, что в ряде работ Варшавский университет представлен как заведение, сыгравшее в истории Польши крайне негативную роль, как основной инструмент русификационной политики, не имеющей ничего общего с развитием науки и образования. Она отмечала, что до середины 1880-х гг. профессорско-преподавательский состав Варшавского университета был наполовину польским, и абсолютное большинство студентов до революции 1905 г. составляли поляки. Среди русского профессорско-преподавательского состава, резюмировала И. Шиллер-Валицкая, в университете была немалая группа ученых, чьи научные достижения и педагогические способности неоднократно отмечали польские студенты¹¹⁹.

В этой связи следует отметить, что процесс русификации, осуществлявшийся в том числе и в Царстве Польском, также являлся частью мероприятий по обеспечению безопасности Российской империи. В воспоминаниях современников, проживающих в Радомской губернии Царства Польского, указывалось на изолированность русского общества. Отдельные жандармские чины отмечали, что многие русские ополячились до такой степени, что стали употреблять в домашнем быту польский язык, принимать католичество и т. п.¹²⁰

Более того, ополячиванию подвергались и территории за пределами Царства Польского. Так, известный общественный деятель Иван Михайлович Кабештов, будучи в Киеве зимой в конце 1840-х гг., отмечал, что в городе вывески были на польском языке, в киевских гостиницах проживающие и прислуга говорят по-польски, на киевских бульварах везде слышна сплошная польская речь «франтоватой публики» и наблюдается презрительное отношение к русским. Один из местных жителей в беседе с И. М. Кабештовым заверил, что своим поведением «поляки будут опять отстаивать свою отчизну от моря до моря»¹²¹.

Также серьезную обеспокоенность вызывала деятельность «неблагонамеренных людей» в крае, подстрекающих крестьян к неосновательным искам по переделу земли, возбуждая их недовольство правящими властями. Крестьянское волнение получило распространение по всей империи, ввиду чего секретным циркуляром МВД от 26 июля 1882 г. признавалось необходимым губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений совместно обсудить выработку мер с учетом местных условий для устранения данной проблемы. В циркуляре также отмечалось, что для успеха данной деятельности нужны не только хорошие контакты полиции с крестьянами, но и содействия со стороны частных лиц той среды (с соответствующим материальным поощрением), «из коей предстоит изъять вредных выстовщиков и недобросовестных ходатаев». Кроме того, указывалось, что через этих частных лиц необходимо распространять среди крестьянства убеждения в том, что ближайшие к нему органы власти являются выразителями намерений высшего правительства¹²².

Кроме того, серьезной внутренней угрозой, дестабилизирующей общественность Царства Польского, являлись антисемитские настроения. К 1865 г. в Царстве Польском проживало до 719 тыс. евреев (13,5 % общей численности населения Царства). В дальнейшем эта цифра только росла за счет притока евреев из Галиции, находившейся в составе Австрийской империи¹²³. После убийства Александра II по южным губерниям Российской империи прокла-

¹¹⁹ Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-i-stereotipy-neskolko-zamechaniy-ob-istorii-obrazovaniya-v-tsarstve-polskom-v-xix-v> (дата обращения: 12.11.2025).

¹²⁰ Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-v-tsarstve-polskom-vo-vtoroy-pолоvine-xix-v-i-nachale-xx-v> (дата обращения: 24.09.2025).

¹²¹ Кабештов И. М. Моя жизнь и воспоминания. Бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным. Сумы, 1906. С. 58–61.

¹²² ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

¹²³ Малахов В. А. «Польские» и «русские» евреи 50-х 80-х гг. XIX в. глазами современников // Славянский альманах. 2012. № 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskie-i-russkie-evrei-50-80-h-gg-xix-v-glazami-sovremennikov> (дата обращения

тилась волна жестоких еврейских погромов. В декабре 1881 г. погромы произошли в Варшаве и некоторых других городах края¹²⁴. Царским правительством в этой связи были приняты меры к предупреждению беспорядков, направленных против еврейского населения. Специальным секретным циркуляром МВД от 09 июня 1882 г. в целях неуклонного преследования «всяких насилий над личностью и имуществом евреев, как находящихся под охраной общих для всего населения законов» на местное начальство возлагалась ответственность за своевременное принятие предупредительных мер в отношении еврейских погромов. В циркуляре отмечалось также, что подобные беспорядки, отнимая у частных лиц без различия племен и вероисповеданий уверенность в их личной и имущественной безопасности, лишают правительство возможности согласовать деятельность всех государственных и общественных учреждений для последовательного развития нравственных и материальных сил страны.

Указывалось особо, что способы наведения порядков должны быть только законные и что за всякое отношение небрежности административных и полицейских властей виновные будут подлежать устранению от должности.

Учитывая, что прямой обязанностью местных властей, говорилось в циркуляре, является охрана общественной безопасности и спокойствия, за недопущение подобных беспорядков на губернаторов возлагалась персональная ответственность¹²⁵.

Напоминание об обязательности законности и своевременности действий в данном циркуляре свидетельствует об имеющихся в управленческой и правоохранительной системе пороках, от которых необходимо избавляться. Так, в циркуляре Департамента Полиции МВД начальникам губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ) от 12 ноября 1885 г. говорилось о необходимости устранения, в частности, вредных последствий неосновательных обысков, допросов, арестов в отношении государственных преступников и о том, что в уголовно-процессуальном плане все должно быть составлено в соответствии с требованиями закона¹²⁶. Здесь же укажем циркуляр начальника Варшавского жандармского округа, адресованный начальнику Варшавского ГЖУ, в котором значилось, что на начальника жандармского управления Гроецкого и Блонского уездов Варшавской губернии подполковника Васильева было наложено взыскание за незаконные самоуправные действия по отношению к содержащемуся под стражей лицу. Констатировалось, что, к сожалению, поступок Васильева не является исключением. Начальник Варшавского жандармского округа предписывал начальнику Варшавского ГЖУ «внушить своим подчиненным», во-первых, что только спокойным отношением к заключенным людям, по большей части нервным и ожесточившимся, они могут приобрести должный авторитет; во-вторых, что за оскорбление, нанесенное заключенному словами или действием, виновные будут подвергнуты строгому взысканию; в-третьих, что офицеры, производящие дознания, не имеют права налагать на заключенных какие-либо взыскания за нарушение установленных правил, тактики долга и за сущность даваемых ими показаний¹²⁷.

Следует в целом заметить, что к концу XIX столетия наблюдение за настроениями населения Царства Польского все больше становилось одним из направлений деятельности жандармских чинов. В письме начальнику жандармского управления Влоцлавского, Нешавского и Гостынского уездов (Варшавская губерния) от начальника Варшавского ГЖУ от 8 апреля 1897 г. с пометой «Совершенно доверительно» последний просил предоставлять ему обзоры следующего характера: о всех факторах, характеризующих настроение населения в политиче-

02.11.2025).

¹²⁴ Малахов В. А. Региональная локализация еврейских погромов 1881–1882 гг. в Российской империи // Вестник БГУ. 2012. № 2 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-lokalizatsiya-evreyskih-pogromov-1881-1882-gg-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения 02.11.2025).

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 7. Л. 47–48 об.

¹²⁶ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 10. Л. 42–42 об.; Там же. Д. 21. Л. 1.

¹²⁷ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–10 об.

ском отношении; о выдающихся событиях в местной общественной жизни; о незаконных и бестактных поступках чинов всех ведомств, состоящих на государственной службе, не исключая и высших лиц, находящихся во главе администрации. Сообщения должны были быть подкреплены основательными данными; о фактах и случаях, волнующих местное население; о положении рабочего вопроса и т. п. В общем предписывалось обращать внимание на все, что ненормально, и выражать мнение о желательных мерах и средствах по устранению их во всех отраслях управления. Также указывалось о желательности прикрепления к сообщению основательного материала для всестороннего ознакомления высшей в крае власти с жизнью населения¹²⁸.

География региона, представляющего собой внушительную часть западной приграничной территории Российской империи, обуславливала целый ряд внешних угроз. Губернаторам и начальникам жандармских управлений, начальникам жандармских управлений железных дорог и пограничных пунктов по всей российской западной границе, включая Варшавское генерал-губернаторство (1882 г.), предписывалось организовать «особенно тщательное охранение от иностранных военных разведчиков» стратегических сооружений на пространстве между западной границей и реками Западной Двиной и Днепром. Также предписывалось организовать силами корпуса жандармов внимательное наблюдение за местностями в целом¹²⁹. В число объектов стратегического значения попадали и железные дороги, в силу чего прохождение экстренных поездов чрезвычайной важности по территории Царства Польского предполагало проведение специальных мер по их охране¹³⁰, в особенности если это касалось прохождения императорских железнодорожных поездов «при высочайших путешествиях». В этом случае, согласно специальной Инструкции от 15 июня 1891 г., на чины жандармской полиции управлений железных дорог возлагалось принятие мер по охране железнодорожных путей со всеми искусственными сооружениями, станционными и линейными зданиями в полосе отчуждения. В случае крайней необходимости для предупреждения разного рода деяний, направленных против безопасности следования императорских поездов, чины жандармской полиции управлений могли требовать содействия чинов войск, общей полиции и служебного персонала железных дорог. Офицеры и нижние чины войск, значилось в инструкции, должны были строго соблюдать все распоряжения местного жандармско-полицейского начальства¹³¹.

Также следует отметить, что местоположение «польской периферии» между Западной Европой и центральной Россией требовало особой бдительности жандармских чинов на пограничных пунктах. Руководствуясь циркуляром, совместно изданным Департаментом полиции МВД и Департаментом таможенных сборов от 28 июля 1890 г., жандармские чины в каждом конкретном случае пропуска через границу приказчиков и судорабочих на сплавляемых по рекам плотам или судах должны были принимать необходимые меры для того, чтобы под видом указанных лиц не скрывались «личности, преследующие противозаконные цели»¹³². То же касалось и провоза через границу печатных изданий. Например, в пограничные пункты была направлена информация (секретный циркуляр МВД от 10 декабря 1894 г.) о намерении провоза через границу отпечатанного за рубежом сочинения «Родной Север» автора Кенна-нова, что представляло собой перевод на русский язык запрещенной книги Джоржа Кеннана «Сибирь и ссылка». Жандармам предписывалось обратить особое внимание на возможный

¹²⁸ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 21. Л. 24.

¹²⁹ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 7. Л. 33.

¹³⁰ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 10. Л. 11, 12.

¹³¹ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 16. Л. 18–19 об.

¹³² Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об.

провоз упомянутого сочинения при таможенных досмотрах багажа лиц, возвращающихся из-за границы в империю¹³³.

Наконец, в силу географической и национальной специфики важнейшим направлением деятельности жандармских органов в Царстве Польском являлось противодействие деструктивным устремлениям спецслужб иностранных государств в отношении Российской империи. Ярким примером выступает секретный циркуляр от начальника Варшавского жандармского округа начальнику Варшавского губернского жандармского управления от 14 мая 1895 г. «для сведения и наблюдения жандармских чинов». В циркуляре содержались данные о намерениях и способах австрийского правительства по сбору информации о российских вооруженных силах «с военно-разведочной целью» и дестабилизации в крае общественных настроений.

В частности, указывалось, что австрийское правительство обязало приграничных старост посылать в пределы России как можно больше крестьян польской национальности на заработки, в особенности тех, кто знал грамоту и служил в австрийских войсках. Пояснялось, что у них имеются легальные виды на жительство, при этом на работу они нанимаются не у местных помещиков, а вблизи казенных построек, мостов, казарм, шоссе и т. д. Также сообщалось, что австрийское военное начальство поощряет охотников и солдат проникать в Россию в качестве шпионов, причем им дана инструкция при задержании и допросах называться дезертирами, давать верные сведения обо всем, порицать свои власти и жаловаться на перенесенные ими труды и лишения, с тем чтобы эти солдаты, получившие право на свободное проживание в крае, возвращались обратно в Австрию и доставляли сведения «обо всем виденном и слышанном» в России. За такую услугу они освобождались от службы и получали денежное вознаграждение. Резюмировалось, что этими охотниками преимущественно являются чехи и поляки. Здесь же отмечалось, что австрийское правительство поручило своим приграничным служащим всеми мерами добыть информацию о всякой перемене дислокации российских войск, в особенности же кавалерии, находящейся между Вислой и Бугом. Для этого рекомендовалось завербовать российских солдат. Также посредством особых лиц, говорилось в циркуляре, австрийские приграничные власти намереваются наводнить край брошюрами преступного характера польского ложного патриотического направления. Данное мероприятие планируется осуществить во время отъезда чинов Особого корпуса пограничной стражи на учебные сборы, когда «охрана российской границы ослабится». Наконец указывалось о возможном увеличении австрийских войск на участке между реками Вислой и Бугом пехотным и кавалерийским полками¹³⁴.

К началу XX в. в Российской империи вследствие накопленных противоречий обострилась внутренняя обстановка. Накануне Первой русской буржуазно-демократической революции в Царстве Польском заметно усилилась деятельность польских национал-патриотических партий, а также партий социалистического крыла. Случаи массовых волнений и беспорядков в разных частях территории края требовали усиления мер по обеспечению безопасности и наведению порядка. Все большую часть функционала сотрудников жандармских учреждений занимал поиск лиц, подлежащих розыску «по делам политическим». Так, в сводке за 1902 г. значилось, что разыскивается Генц Карл Карлов, крестьянин деревни Козунь-Нилецкий Варшавского уезда и губернии, 1853 г.р. Г. К. Карлов был привлечен в качестве обвиняемого при Варшавском ГЖУ к дознанию по делу о распространении печатных листов на польском языке за подписью «Варшавского рабочего комитета», приглашающих к участию в демонстрации 16–29 апреля 1900 г. на Уяздовской аллее г. Варшавы. Состоял под особым надзором полиции по месту жительства, откуда затем скрылся, приметы неизвестны¹³⁵.

¹³³ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 19. Л. 25.

¹³⁴ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 20. Л. 7–8об.

¹³⁵ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

Также подлежал аресту и препровождению в распоряжение губернатора Ломжинской губернии с уведомлением Департамента полиции МВД Древновский Поликарп Францев, житель гмины Каменчик-Вельский Островского уезда Ломжинской губернии, шляхтич, 1879 г.р. П. Ф. Древновский привлекался к дознанию по делу о противоправительственной пропаганде среди варшавских рабочих, подлежал высылке под гласный надзор полиции в место жительства его родителей на 2 года, откуда скрылся¹³⁶.

Здесь же указывалось о розыске варшавской мешанки Идзьковской Матильды Тобиашевой, 1874 г.р., которая еще в январе 1900 г. привлекалась за связь с кружком рабочих в Варшаве и была вновь привлечена (1901 г.) Варшавским ГЖУ к дознанию по обвинению в принадлежности к рабочим кружкам «Польской социалистической партии»¹³⁷.

Следует выделить, что в революционную деятельность Привислинского края были вовлечены все слои населения. За принадлежность к «Польской социалистической партии» привлекались крестьяне Коппер Николай Николаев, Копчинский Павел Томашев. Крестьянин Палинский Станислав Юзефов проходил по делу о распространении воззваний «Варшавского рабочего комитета» на польском языке; Согдзевич Антон Феликсов, бывший студент Варшавского университета, привлекался к дознанию по делу преступного сообщества «Товарищество преступного народа»; Вильковский Зельман Энохов, мещанин, был привлечен в качестве обвиняемого к дознанию по делу «О всеобщем Еврейском рабочем Союзе в России и Польше»; крестьянин Подвысоцкий Станислав Антонов был привлечен жандармским управлением Гроецкого и Блонского уездов Варшавкой губернии по делу об образовании среди рабочих фабрики Жирардовских мануфактур и кожевенных заводов братьев Шмидт (г. Жирардов) кружка польской социалистической партии с противоправительственными целями¹³⁸.

Ввиду оживления агитационной деятельности в преддверии событий 1905 г. революционеры каждый раз старались изобретать новые способы провоза политической контрабанды. Например, в секретном циркуляре Департамента Полиции МВД, адресованном начальникам жандармских пограничных пунктов, от 26 марта 1902 г. содержалась ориентировка на известного опытного контрабандиста – австрийского социалиста, поляка Игнатия Дашинского. Жандармским чинам южных территорий Российской империи предписывалось проявлять бдительность относительно данной персоны, так как Дашинский, не доверяя пограничной полосе Австрии, граничащей с губерниями Привислинского края, планирует направить «свои транспорты через пограничные пункты Юга России»¹³⁹.

Кроме того, значительную часть времени жандармы посвящали пресечению передвижения лиц по подложным документам по территории края и за ее пределами. Как правило, это были не только представители запрещенных национал-социалистических объединений, но и те, кто занимался шпионажем в пользу иностранных государств. Например, секретным циркуляром от 18 июля 1903 г. офицерам жандармских управлений и крепостных жандармских команд предписывалось в кратчайшие сроки найти похищенные неизвестными 15 документов, удостоверяющих личность выданных войтом гмины Дрвалев в деревнях Кукалы, Дрвалевицы и Дрвалев (Гроецкий уезд Варшавской губернии), среди которых были бессрочные паспортные книжки, желтый паспорт и прочее¹⁴⁰.

¹³⁶ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 31. Л. 13.

¹³⁷ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 31. Л. 14.

¹³⁸ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 31. Л. 17–18, 38 об., 46 об.

¹³⁹ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 31. Л. 82–82 об.

¹⁴⁰ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 36. Л. 189.

Жандармские офицеры, 1890-е гг.

Также жандармы проводили работу по обнаружению различных средств коммуникации, которыми могут воспользоваться «в разведывательных целях». Успешным видом связи в данном контексте являлись почтовые голуби, прилетевшие из-за границы. Такие «связные» в Царстве Польском обнаруживались с завидным постоянством. Так, унтер-офицеры Радлевского жандармского участка (Нешавский уезд Варшавской губернии) Федорчук и Якуневич сообщали, что 15 июня 1903 г. житель посада и гмины Радлев Абрам Вузен между своими голубями поймал прилетевшего прусского почтового голубя. На его правом крыле имелся каучуковый штампель с запиской и надписью на немецком языке, на левом крыле – каучуковая печать с прусским гербом. На правой лапке имелось металлическое кольцо за номером 206126. Голубь впоследствии был уничтожен, так как был «признан непородистым и на племя не пригоден». Однако содержание записки вызвало подозрение и по данному инциденту начали производить дознание¹⁴¹.

В целом следует заметить, что обеспечение безопасности и поддержание внутреннего правопорядка в Царстве Польском являлось непростой задачей для российского правительства. Стенограммы Особых журналов Совета Министров Российской империи являются прямым тому подтверждением. Так, в начале 1909 г. на повестке дня стоял вопрос о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний с образованием из них особой Холмской губернии. Данная инициатива поступила из МВД. В проекте министерства внутренних дел говорилось о том, что выделение из Привислинского края издревле русской земли, известной под именем Холмской или Забужной Руси, оградит Холмскую Русь от постепенного поглощающего польского влияния. Русское население Холмской Руси, значилось в записке, ведет «упорную за свою национальную самобытность борьбу с надвигающимся полонизмом, неуклонно и последовательно стремившимся денационализировать этот исконный русский край». Более того, министерство внутренних дел заявило о настоятельной необходимости скорейшего разрешения вопроса ввиду того, что польско-католиче-

¹⁴¹ Там же. Ф. 1662. Оп.1. Д. 38. Л. 3.

ская пропаганда ведется в рассматриваемой местности с напряжением всех своих сил и делает быстрые успехи¹⁴².

Также одно из заседаний правительства в 1909 г. посвящалось «проявлениям революционного брожения» в Привислинском крае, вызвавшим необходимость широкого применения исключительных мер полицейской охраны, которые все же не могут это прекратить. Было принято решение о продлении срока действия высочайше утвержденного в 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹⁴³.

Все больше приближаясь к моменту развязывания Первой мировой войны в Привислинский край со стороны зарубежных спецслужб в массовом порядке были направлены лица, занимающиеся шпионажем в пользу иностранных государств, что также требовало значительных усилий со стороны российских органов безопасности. Например, ввиду участившихся случаев перелета австрийскими «летательными снарядами» границы российской империи на всей ее западной границе такие перелеты были запрещены. К воздухоплавателям, нарушившим означенное постановление и не опустившимся немедленно по предъявленному им сигналом требованию, применялись меры воздействия, установленные в отношении лиц, пытающихся перейти государственную границу¹⁴⁴.

Здесь же укажем, что в секретном циркуляре из канцелярии помощника генерал-губернатора по полицейской части от 15 января 1914 г., адресованном начальникам ГЖУ, начальникам жандармских пограничных пунктов Привислинского края, начальнику Варшавского охранного отделения и начальнику Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог, отмечалось, что за последнее время в России стали появляться иностранцы, называющие себя туристами, якобы совершающие пешком без денег кругосветное путешествие вследствие заключенного с каким-либо спортивным обществом пари. Источником их существования во время этого пари, по их объяснениям, является продажа открытых писем с их изображением.

Однако из имеющейся информации в штабе Варшавского военного округа, говорилось в циркуляре, большинство этих туристов не стремится пойти по намеченному маршруту. Они подолгу остаются в Европейской России, выбирая определенные районы и посещая несколько раз одни и те же пункты. Они не нуждаются в денежных средствах, ездят по железным дорогам, а не пешком, проживают в первоклассных гостиницах, посещают дорогие рестораны, проводят время в обществе женщин легкого поведения. Есть подозрения, что они являются агентами иностранной разведки. Это пешеходы Лейбович-Лейбови, Дильчев и Лакон. Всем адресантам циркуляра предписывалось приложить максимум сил для розыска и задержания данных лиц¹⁴⁵. Подобные циркуляры касались розыска и задержания командированных в Россию Австрийским генеральным Штабом своих агентов под видом певцов, артистов, коробейников и прочих лиц¹⁴⁶.

Типичными для данного периода являлись циркуляры от начальника Варшавского ГЖУ начальникам уездных жандармских управлений о выяснении информации относительно лиц, подозреваемых в государственной измене либо шпионаже. Так, в записке от 31 января 1914 г. требовалось дать подробную справку о жителе уездного города Влоцлавска (Варшавская губерния), некоем Штефтере, у которого, по словам ротмистра пограничной стражи Глебовича, были найдены гарнизонные приказы г. Влоцлавска. Возможно, Штефтер, значилось в записке, передал эти приказы агенту прусской разведки полиции Герману Дрешеру из города

¹⁴² Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1909. № 6. 13 января. М., 2000. С. 31–32.

¹⁴³ Там же. № 87. 28 июля. М., 2000. С. 311.

¹⁴⁴ Там же. 1912. № 96. 16 ноября 1912 года. М., 2004. С. 348.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 127. Л. 6 об, 12 об.

Торна (Пруссия). Также указывалось, что Штефтер выдает себя за коммивояжера заграничной фирмы, много денег тратит на угощение офицеров, в чьих кругах постоянно вращается. Кроме того, в Торне молодым Штефтером интересовался неизвестный по фамилии майор, ведающий там военной разведкой¹⁴⁷.

Буквально через месяц (1 марта 1914 г.) унтер-офицер Влоцлавского жандармского участка № 27 по фамилии Почтовый сообщил, что Штефтер, 1879 г.р., еврей, холост, очень часто выезжал за границу, особенно в 1910–1911 гг. Занимался вывозом из России рыбы, раков и икры. В 1909 г. привлекался за тайный провоз из-за границы револьверов и патронов. Во Влоцлавске всегда бывает у своего отца, проживающего по улице Шпалерная, дом 13. При этом постоянно заходит в польскую гостиницу: там он познакомился с ротмистром 11-й бригады пограничной стражи Абросимовичем и другими. При обыске мест его пребывания в городе Влоцлавске не было случая, чтобы были найдены гарнизонные приказы города Влоцлавска¹⁴⁸.

Здесь же необходимо указать секретную записку начальника Варшавского ГЖУ от 8 марта 1914 г. В ней сообщалось, что, по полученным агентурным сведениям, старший писарь I-го Отдела пограничной стражи в городке Александрове-пограничном Варшавской губернии Семен Литовченко будто бы занимается военным шпионажем в пользу Пруссии. Литовченко состоит в хороших отношениях с помещиком-немцем Лянге, который часто бывает в Торне, где общается с сыщиком Германом Дрешером и другими немцами в ресторане «Кульмба-хер». Лянге владеет несколькими пограничными домами, в которых размещаются пограничные отряды I-го Отдела пограничной стражи. Также указывалось, что Литовченко от Лянге регулярно получает подарки, обеспечен средствами, отказался от перевода по службе в г. Ташкент. Кроме того, отмечалось, что Литовченко в хороших отношениях с эмиграционными агентами братьями Вольштейн Натаном и Моисеем, встречался также с германскими подданными Вильгельмом Зайденшнуром и Германом Зайденшнуром, прибывшими из-за границы, которые под видом торговцев картофелем выехали из Александрова, затем в Нешаву. По мнению агентуры, значилось в записке, оба Зайденшнура – шпионы, прибывшие в Привислинский край с целью военной разведки в пользу Пруссии¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 130. Л. 37.

¹⁴⁸ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 130. Л. 38.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 130. Л. 43.

М. Д. Бонч-Бруевич.

По итогам проверки данной информации 18 апреля 1914 г. унтер-офицер Нешаского жандармского участка № 26 Сабур сообщил, что унтер-офицер Семен Иванович Литовченко является старшим сверхурочным писарем 1-го отдела Александровской бригады пограничной стражи. Холост, хорошо знаком с Лянге, получает от него подарки. Как старший писарь, значилось в сообщении, Литовченко пишет сметы, контракты; образ жизни ведет не трезвый и как человек – очень ненадежный, не задумается выдать военную тайну в пользу иностранной державы. Что касается знакомства с братьями Вольштейнами, указывалось здесь же, то почти все служащие с ними знакомы, так как Вольштейны почти насильно навязывают всем свое знакомство¹⁵⁰. В том и в другом случаях резюмировалось, что за Штефтером и Литовченко необходимо установить негласный надзор.

С началом Первой мировой войны по территории Привислинского края довольно быстро стала проходить линия фронта, что требовало от жандармов еще больших усилий и бдительности по выполнению возложенных на них задач. Царство Польское было объявлено на военном положении, и вся власть таким образом возлагалась на командующего армиями Северо-западного фронта. Так, 26 января 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующими Армиями Северо-Западного фронта разведывательного отделения генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич в специальном циркуляре начальнику жандармского управления Влоцлавского, Нешавского и Гостынского уездов (Варшавская губерния) предписывал последнему, чтобы он все получаемые сведения о деятельности отдельных лиц или общественных групп, могущих принести вред операциям армий как в вверенном ему районе, так и вообще на территории военных действий, немедленно сообщать в Разведывательное отделение Штаба фронта незави-

¹⁵⁰ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 130. Л. 46.

симо от установленных сообщений в другие учреждения. О всех выдающихся происшествиях, например, покушениях на разрушения сооружений, имеющих военное значение, террористических актах, в организации которых возможно заподозрить участие разведчиков и агентов неприятельских армий, надлежало телеграфировать М. Д. Бонч-Бруевичу. В случаях распространения в районе наблюдения воззваний тайных революционных сообществ или противника такие воззвания в трех экземплярах надлежало препровождать в разведывательное отделение, по возможности с переводом на русский язык¹⁵¹.

Кроме того, в отношении неблагонадежного немецкого населения командующий армиями Северо-западного фронта 17 мая 1915 г. приказал начальникам уездных жандармских управлений и крепостных жандармских команд неукоснительно применять п. 4 ст. 415 и ст. 505 положения о полевом управлении войск и пункты 16 и 17 ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении¹⁵². То же касалось еврейского населения. Секретным циркуляром начальника Варшавского ГЖУ от 26 мая 1915 г. начальникам уездных жандармских управлений и крепостных жандармских команд предписывалось высылать всех евреев, а равно и внушающих подозрение в благонадежности лиц иного происхождения, возвращающихся из враждебных России государств, и уведомлять об этом Канцелярию Главного начальника снабжения армии Северо-западного фронта, а копию отправлять в Канцелярию генерал-губернатору¹⁵³.

На основании правил о местностях, объявленных на военном положении, местным начальникам полиции, начальникам жандармских управлений и их помощникам с 17 июня 1915 г. предоставлялось право делать распоряжения о предварительном задержании лиц (не больше двух недель), «внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или нарушающих существенные интересы армии, или в прикосновенности к сим преступлениям, а равно к принадлежности к противозаконным сообществам». О всяком таком задержании следовало сообщать немедленно губернатору. Срок предварительного ареста мог быть продлен, если было «много дел по шпионажу» и не хватало жандармских и полицейских чинов, или в силу «невозможности вовремя вызвать свидетелей, занятия отдельных территорий неприятелем» и т. д.¹⁵⁴.

Также на сотрудников уездных жандармских управлений и крепостных жандармских команд возлагалась обязанность контроля за сбором оружия. Специальным циркуляром от 4 марта 1915 г. жандармским чинам предписывалось обеспечить необходимое число рабочих из числа местных жителей, которые должны были «тотчас после боев» приступать к сбору оружия. По окончании сбора на поле сражения заведывающему сбором оружия офицеру следовало сообщить об этом местной полиции и ближайшему этапному коменданту. Рабочим за сборы полагалась плата по установленным тарифам, как при платной реквизиции. После этого окрестным местным жителям сообщалось, что им разрешается собирать оставшиеся найденные винтовки. За каждую найденную исправную неприятельскую винтовку полагалась плата 5 руб., за отечественную – 6 руб.¹⁵⁵

В целом следует отметить, что обеспечение государственной безопасности в Царстве Польском во второй половине XIX – начале XX вв. было сопряжено с целым рядом трудностей, во многом вызванных геополитической спецификой региона. В заявленный период политика правительственных властей предусматривала не просто встраивание территории края в общеимперскую систему управления, она сопровождалась значительным усилением управлен-

¹⁵¹ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

¹⁵² Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.

¹⁵³ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 27. Л. 17 об.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 27. Л. 19–19 об.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 27. Л. 9–9 об.

ческого и силового блока. В первую очередь, это было обусловлено двойственностью проводимых реформ и режима либерализации империи в 1860-х – 1880-х гг., издержками частичного суверенитета Царства Польского в первой трети XIX в., а также бурным ростом проявлений сепаратизма, экстремизма и терроризма, охвативших Россию в данный период. Дестабилизация российской внутренней жизнедеятельности в полной мере отвечала интересам иностранных государств, особенно в период Первой русской революции и годы Первой мировой войны, что также предопределило уклон царского самодержавия в сторону жестких административных методов управления и принятия превентивных мер в отношении местного населения края. Можно констатировать, что, несмотря на противоречивость отдельных правительственных решений, мероприятия в Царстве Польском по обеспечению безопасности отвечали сложившимся реалиям, а деятельность чинов корпуса жандармов способствовала сохранению внутренней стабильности и целостности Российской империи вплоть до начала 1915 г.

А. Н. Кукарека. Тридцать тысяч верст разведки (о разведывательной деятельности Н. М. Пржевальского)

Соперничество между Великобританией и Россией за влияние в Южной и Центральной Азии наиболее интенсивно развернулось с середины XIX столетия. Названный мощный геостратегический и политический поединок между двумя империями, в том числе и их разведывательными органами, приобрел с легкой руки британского журналиста Р. Киплинга нарицательное наименование «Большая игра» и получил в указанное время стремительное развитие.

Этим событиям предшествовали и поражение наполеоновской армии, закончившееся оккупацией Парижа, и окончание Крымской войны, когда Россия, согласно Парижскому трактату, была вынуждена пойти на определенные уступки, и истребление англо-французской эскадры в 1854 г., сопровождаемое гибелью адмирала Прайса, когда указанный противник пытался овладеть Камчаткой и захватить город Петропавловск.

Следует отметить, что в это время русские вооруженные силы на Востоке к середине XIX в. в основном были сосредоточены в устье реки Амур, где был основан город Николаевск на Амуре (ныне – г. Комсомольск на Амуре) от которого начиналось освоение Дальневосточных берегов с направлением на юг, вплоть до Кореи.

Такое продвижение России на юг с целью защиты христианских народов в Закавказье британскую сторону стало беспокоить еще с XVIII в. Совершив свои завоевания в Индии, англичане стали упорно вытеснять своих голландских, португальских и французских конкурентов с этой части территории материка, используя в качестве военной силы колониальные военные формирования. Этим и объясняется хорошая выучка противника, с которым российским войскам затем пришлось столкнуться в Русско-персидской войне.

К середине XIX в. Британия значительно укрепилась в своих восточных владениях, к которым относилась не только часть Индии, но и те территории, которые в настоящее время принадлежат Бангладешу, Бирме и Пакистану. Это давало возможность получать от колоний значительную финансовую помощь на протяжении нескольких десятилетий.

Что касается Российской империи, то она к этому историческому периоду не обладала подобными финансовыми и политическими источниками, однако постоянно осуществляла поиск новых торговых путей в восточном направлении. Одним из трех путей российского продвижения на Восток являлось направление через Среднюю Азию, Иран и Афганистан к персидскому заливу¹⁵⁶.

В этой связи расширение российского влияния на Среднюю Азию было неизбежным. Его основными целями являлись установление взаимных торговых отношений с населением азиатских территорий и поиск транзитных путей для китайских товаров. Такие действия привели к тому, что к 1837 г. значительно активизировалась деятельность английской разведки на Востоке. Катализатором такой активности послужила неожиданная встреча английского разведчика Роулинга, изучавшего отдельные территории Персии, с русским передовым отрядом, направлявшимся к шахскому дворцу по поручению Николая I.

Осознавая, что безопасность захваченных индийских территорий попадает под угрозу, британская сторона стала искать себе союзников в европейской части, способных оказать помощь по блокированию действий России в Среднеазиатском регионе. Опасения англичан усилились, когда до них дошли сведения, что в середине XIX в. российскими подданными – бывшим посланником в Тегеране А. И. Дюгамелем и географом-путешественником П. А. Чихачевым – независимо друг от друга были представлены правительству топографические

¹⁵⁶ Славин А. В. Николай Пржевальский – первый европеец в глубинах Северного Тибета М.: Родина, 2023 С. 83.

карты и схемы передвижения войск с возможностью организации похода на индийские территории Британии.

В развитие описываемой обстановки российское правительство приняло решение об осуществлении широкомасштабных дипломатических и разведывательных действий на территории Средней Азии. И если первая категория действий была уже в некоторой степени развита в отдельных азиатских регионах, то вторая требовала более детальной, особенно практической проработки, в том числе на научно-исследовательской основе.

В высших правительственных кругах Российской империи сформировалось устойчивое понимание, что для такой работы следует направить экспедиции, в состав которых необходимо не просто включать соответствующих специалистов, но и наделять таковых определенными властными полномочиями. Считалось, что такие полномочия должны иметь уровень, достаточный для представления России высшим органам власти тех государственных образований, через территории которых будет пролегать путь экспедиций.

Успешному проведению такой работы стало выделение в начале XIX в. разведывательной деятельности в отдельное ведомство с необходимой организационно-штатной структурой.

Кроме этого, в начале 1812 г. при Военном министерстве был создан Военно-учетный комитет, первой крупной работой которого стал анализ просчетов в Отечественной войне с наполеоновской армией, а также породивших их причин. По итогам проведенной работы обнаружилось практически полное отсутствие каких-либо теоретических и особенно прикладных разработок, направленных на успешную организацию стратегических замыслов политического и военного руководства Российской империи. Относительно Среднеазиатского региона комитет выявил, что сведения о нем были весьма отрывочные и противоречивые. Это объяснялось тем, что его описание либо составлялось на рассказах купцов, либо бралось из достаточно устаревших источников.

Вполне естественно, что описываемая выше динамичность военно-политических событий, происходивших в первой половине XIX в. на среднеазиатской территории, ускорила в определенном смысле его изучение. К этому времени значительно изменились формы и методы управления войсковыми контингентами на театрах военных действий, стали на новую ступень разработка и выпуск оружия, боеприпасов и другого армейского оснащения. Такое состояние, в свою очередь, потребовало иных, более модернизированных подходов к планированию и прогнозированию применения войск в предстоящих боевых действиях.

К этому же времени в России уже действовали такие подразделения и организации, как Корпус топографов и Военно-топографическое депо, а с 1845 г. в Санкт-Петербурге начало свою работу Русское географическое общество, отделы которого на востоке страны существовали в Иркутске, Оренбурге и Омске. Начался регулярный выпуск научных трудов Общества, таких как «Издание ИРГО¹⁵⁷», «Ежегодник ИРГО», а также нескольких журналов.

Становится очевидным, что ко второй половине XIX в. и военное ведомство, и российское научное сообщество, а также соответствующие правительственные круги, заинтересованные в политическом и экономическом развитии страны, обладали мощным инструментом для проведения разностороннего изучения неисследованных, но необходимых территорий, в том числе с позиций разведки.

Именно в этот период происходит генезис исследовательской работы видного русского ученого и военного деятеля – Н. М. Пржевальского.

Николай Михайлович родился 31 марта 1839 г. в Смоленской губернии. После смерти отца, офицера-инвалида, когда Николаю было семь лет, мать отстроила небольшое имение в смоленской глуши. Усадьбу Отрадное окружала настолько дикая природа, что будущий путе-

¹⁵⁷ ИРГО – Императорское русское географическое общество – так с 1849 г. стало именоваться вышеуказанное Русское географическое общество.

пешенник мог наблюдать у себя во дворе диких зверей. Николаю и его младшему брату постоянно хотелось самостоятельно изучить близлежащие окрестности, что категорически запрещалось. Учитывая эту опасность, а также острую нехватку средств для воспитания, мать отдает обоих братьев в Смоленскую гимназию.

К моменту зачисления Николай мог уже достаточно неплохо читать. Помимо некоторых книг, в его литературном богатстве были различные описания путешествий, изданные в журнале «Отечественные записки», разрозненные номера которого изредка попадали в Отрадное вместе с товарами коробейников. Но это уже были первые шаги к будущим путешествиям.

Учеба в гимназии соответствовала духу того времени. Вспоминая эти годы, Николай Михайлович зачастую говорил следующее: «Скажу поистине, слишком мало вынес оттуда...»¹⁵⁸.

Гораздо больше для воспитания будущего путешественника в гимназический период сделал его дядя, Павел Алексеевич Каретников, небольшое имение которого располагалось недалеко от Отрадного. Юный Николай все свое каникулярное время проводил в имении дяди, который не только был страстным охотником, но и знатоком природы. Эти же чувства он развил и у племянника.

Когда Николаю исполнилось 12 лет, Павел Алексеевич подарил ему поистине драгоценный подарок – первое охотничье ружье. Меткие выстрелы Пржевальского не раз сражали медведей и тигров в Уссурийском крае, диких яков в горах Тибета. Но самым запоминающимся трофеем тогда еще двенадцатилетнего охотника оставалась его первая добыча – лисица.

Продолжительные прогулки по лесам Смоленщины закалили характер Николая, развили его наблюдательность, став первой школой для будущих путешествий.

Окончание учебы Николая Пржевальского в гимназии пришлось на героическое завершение осады Севастополя и трагической развязки Крымской войны. Мужество защитников легендарного русского города увлекало многих молодых людей, в том числе и Пржевальского. Его разгоряченное воображение послужило возникновению желания связать свою жизнь с армией и поступить на военную службу.

После определения в Рязанский пехотный полк вчерашний гимназист столкнулся с суровой действительностью армейской жизни, в корне отличавшейся от его представлений. По прошествии одного года службы, после произведения в прапорщики, Пржевальского переводят в Полоцкий пехотный полк, дислоцировавшийся в Смоленской губернии¹⁵⁹. Однако и на новом месте службы его умственное и нравственное состояние оставалось неудовлетворенным. Николай Михайлович все свое свободное время стал посвящать изучению природы и охоте. Параллельно с этим Пржевальский глубоко изучает передовые для того времени труды по ботанике, зоологии и географии.

По окончании однообразной и изнуряющей пятилетней службы на военном поприще у Николая Михайловича с новой силой возникло желание изменить свой образ жизни на путешественника-исследователя. Но следует отметить, что военная выучка, приобретенная за эти годы в достаточной степени, закалила Пржевальского и пригодилась ему в будущих странствиях. Он не раз потом с небольшой группой казаков обращал в бегство разбойничьи шайки, нападавшие на караван его экспедиций.

Изменить свой образ жизни, превратившись в путешественника-исследователя, Пржевальский решил оригинальным образом. После неудачных прошений вышестоящего начальства с просьбой направления его на Амур, Николай Михайлович решил реализовать свое

¹⁵⁸ Хмельницкий С. И. 1839–1888. Николай Михайлович Пржевальский. Ленинград: Молодая гвардия, 1950. С. 19.

¹⁵⁹ Сумароков Л. И., Сумарокова О. Д. Евразийские хроники Н. М. Пржевальского: Н. М. Пржевальский, 180 лет: монография / Л. И. Сумароков, О. Л. Сумарокова; Кыргызско-Российский Славянский университет, Институт стратегического анализа и прогноза. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2019. С. 42.

желание через учебу и стал усиленно готовиться к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба.

Блестяще сдав вступительные экзамены, с осени 1961 г. Пржевальский приступил к занятиям в Академии. Страсть к дисциплинам, преподаваемым в Академии, особенно к тем, которые Николай Михайлович определил для себя первоочередными и необходимыми для будущих исследований неизвестных территорий, не ослабевала ни на один день. Исключением стал только один предмет, из-за которого будущего открывателя новых земель едва не исключили из Академии. Этой дисциплиной, как ни странно, стала практическая съемка местности.

Следует пояснить, что этот эпизод академического периода Пржевальского произошел не из-за незнания предмета, а ввиду невнимательности к нему. Оказалось, что направленный в Боровичский уезд для указанной съемки Пржевальский настолько увлекся местной природой и охотой, что не заметил, как ушло отведенное на дисциплину время. Выставленный экзаменационной комиссией низкий бал с трудом был компенсирован устными ответами Николая Михайловича¹⁶⁰.

Вместе с тем обучаясь на первом курсе Академии у Пржевальского состоялась проба пера. Несмотря на решение издателя не выплачивать гонорар автору, Николай Михайлович был рад своему первому труду, увидевшему свет в журнале «Конезаводство и охота»¹⁶¹.

10 января 1863 г. по всей территории Царства Польского вспыхнуло вооруженное восстание против власти Российской империи. В этой связи к концу текущего учебного года с целью пополнения воинских частей, дислоцировавшихся в западной части страны, офицерам старшего курса Академии было предложено выпуститься на льготных основаниях, то есть без сдачи экзаменов. Этим решением военного ведомства воспользовался и Николай Михайлович. Получив 5 июня 1863 г. звание поручика, Пржевальский вернулся в свой 28-й Полоцкий полк, где был назначен адъютантом полка.

На новой должности будущий путешественник-исследователь продолжает заниматься естественными науками, к которым прибавились история и описание исследованной природы. Самым значимым событием для Николая Михайловича в период службы после выпуска в Полоцком полку стало избрание его членом ИРГО за изданную еще в Академии работу «Военно-статистическое обозрение Приамурского края»¹⁶². Это обстоятельство еще больше усилило желание Пржевальского принести пользу Отечеству на исследовательском поприще.

¹⁶⁰ Сластин А. В. Николай Пржевальский – первый европеец в глубинах Северного Тибета... С. 37.

¹⁶¹ Пржевальский Н. М. Воспоминания охотника // Конезаводство и охота. 1862. № 6–8.

¹⁶² Каратаев Н. М. Николай Михайлович Пржевальский первый исследователь природы Центральной Азии: (1839–1888) / Н. М. Каратаев М.-Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). С. 71.

Варшавское юнкерское училище.

В этом же году российский император Александр II утвердил Положение о Главном управлении Генерального штаба. Согласно этому документу, разведывательные функции относительно азиатского региона возлагались на 2-е (азиатское) и 3-е (военно-учетное) отделения. Последнее занималось военно-учетными экспедициями, направляемыми для сбора сведений в пограничных регионах России и прилегающих к ним сопредельных территорий.

Реализации желания сменить строевую службу на научную поспособствовало само Польское восстание. После подавления мятежа военное руководство провело значительные кадровые ротации, заменив в первую очередь на территории Царства Польского всех неблагонадежных офицеров, в том числе и в недавно организованном Варшавском юнкерском училище. При поддержке своих сокурсников по Академии М. В. Лауница и Н. В. Желтухина Пржевальского переводят на службу в училище, где он с 1 декабря 1864 г. состоит в должности взводного офицера¹⁶³.

За время службы в училище Николай Михайлович сформировал серьезную научную библиотеку и пробудил стремление к саморазвитию своих учеников. Параллельно с этой работой Пржевальский тесно связывает себя с польскими научными деятелями, которые в свое время внесли значительный вклад в изучение Сибирского края. Пребывая в обществе образованных людей и занимаясь учебной работой, будущий путешественник-исследователь составляет и издает краткий учебник по географии, адаптированный для соответствующей программы¹⁶⁴. В его учебнике учитывалась не только физическая, но и политическая география. Последняя

¹⁶³ Пржевальский Николай Михайлович // Большая российская энциклопедия: В 35 т. / Председатель Науч. – ред. Совета Ю. С. Осипов. Отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 27. ПолупроводникиПустыня. М.: Большая Российская энциклопедия, 2016. С. 455–456.

¹⁶⁴ Пржевальский Н. М. Записки всеобщей географии по программе юнкерских училищ / Сост.д. чл. Рус. геогр. о-ва Н. М. Пржевальский; Доп. преп. географии в Варш. пехот. юнкер. уч-ще И. Л. Фатеев. 2-е изд. Варшава: тип. Варш. жандарм. окр., 1870. С. 2.

стала для Николая Михайловича одной из основ проведения будущих страноведческих исследований в экспедициях, в том числе и с позиций разведывательной деятельности.

Несмотря на то, что служба в Варшавском училище оказывала полезное воздействие на научный рост Пржевальского, будущий путешественник-исследователь продолжал испытывать уверенность в другом своем предназначении. Развитие талантов Пржевальского, связанных с изучением природы, описанием ее в научных сборниках и журналах, не давало ему останавливаться, подогревая его страсть к предстоящим путешествиям. Осознав, что служба в училище не сможет удовлетворить задуманное, Пржевальский начинает искать выход из сложившейся ситуации. Ему на помощь приходит помощник начальника штаба Варшавского военного округа генерал Д. И. Черницкий, в свое время также способствовавший назначению Николая Михайловича в училище.

После служебной переписки с различными должностными лицами, в которой Черницкий превосходно рекомендовал будущего путешественника-исследователя, судьба Николая Михайловича была решена положительным и вместе с тем снова оригинальным образом.

Как говорилось выше, Пржевальский окончил Николаевскую академию Генерального штаба без сдачи итоговых экзаменов, как считалось в то время – по второму разряду. Это обстоятельство означало невозможность быть причисленным к самому Генеральному штабу.

Следует пояснить, что в то время Главный штаб, считавшийся головным органом Военного министерства Российской империи, являлся высшим органом военно-стратегического управления вооруженными силами России. Именно Главный штаб предоставлял возможность офицерам быть причисленными к Генеральному штабу, что давало им право назначения на ответственные, зачастую руководящие, военные должности¹⁶⁵. Об указанном причислении Николая Михайловича в основном и хлопотал Черницкий в своей переписке. В конце концов благодаря усилиям генерала, а также своей безупречной службе 17 ноября 1866 г. Пржевальский был причислен к Генеральному штабу с назначением для научных занятий в Восточно-Сибирском округе¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Пржевальская Л. К., Пржевальский Н. М. Николай Михайлович Пржевальский. Путешествие длиною в жизнь / Л. К. Пржевальская, Н. М. Пржевальский. М.: Паулсен, 2024. С. 111.

¹⁶⁶ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский: биографический очерк / Сост. Н. Ф. Дубровин. С.-Пб: Военная тип., 1890. С. 159.

Н. М. Пржевальский на охоте.

В конце января 1867 г. Николай Михайлович прибыл на новое место службы в Иркутск, являвшееся в то время центром Восточной Сибири. Однако выполнение им своих непосредственных служебных обязанностей не давало возможности напрямую реализовать задуманное. В целом служба была больше канцелярской, чем исследовательской, и заключалась в обобщении различных сведений, касавшихся военного ведомства в этом крае.

Продолжая бороться за осуществление своих идей уже непосредственно в Иркутске, Николай Михайлович обратился с письмом от Председателя ИРГО к военному губернатору Забайкальской области генералу Б. К. Кукелю с просьбой определить его на работу, связанную с практическим изучением местности, еще не описанной в научном и военном образе.

Учитывая, что в это время в состав Российской империи вошел Уссурийский край, о котором практически не было достоверной информации, Пржевальский, как никто другой, подходил для организации экспедиции по указанной территории. На предложение генерала исследовать этот регион Николай Михайлович не раздумывая согласился, несмотря на то обстоятельство, что для экспедиции выделялись сравнительно небольшие средства.

Состоялась также и приватная беседа Кукеля с Пржевальским, в которой генерал поручил, помимо любых научных изысканий, собрать сведения о числе и состоянии живущих в Уссурийском крае маньчжуров и корейцев, осмотреть расположение находящихся на указанной территории войск, а также исследовать пути к границам Кореи и Манчжурии. Иначе говоря, Пржевальскому было определено первое объемное по значимости и характеру разведывательное поручение¹⁶⁷.

Фактически это была своеобразная сделка между Пржевальским и Кукелем. И если у первого имелось желание проводить исследовательскую работу в Уссурийском крае, то генерал-губернатору крайне необходимо было наладить разведывательную работу на этой же территории. Что касается географического общества, то оно также было заинтересовано в указанной экспедиции, причем в равной степени как в отношении сбора разведывательной информации, так и в плане так называемой «обкатки» подходящего человека для дальнейшей разведывательной работы на подобном исследовательском поприще.

В период уссурийской командировки были исследованы быт и нравы местного населения Восточной окраины Российской империи, особенности климата, почвы, водных пространств, а также различных представителей флоры и фауны. Пржевальскому как путешественнику-исследователю удалось первому добраться до берега Тихого океана и изучить его и приграничную с Кореей реку Тумангу. В этом сравнительно небольшом путешествии Николай Михайлович собрал первичные, но одновременно ценные сведения, касающиеся корейского населения. Особенно тщательно им были исследованы озеро Хасан и впадающие в него с южной и западной сторон реки.

Кроме решения научных и исследовательских задач, Пржевальскому пришлось вспомнить и применить свой армейский опыт, полученный в период участия в подавлении Польского восстания. Летом 1868 г. Николай Михайлович был временно оторван от своих исследований и включился в борьбу по ликвидации банд хунхузов (китайских разбойников), терроризировавших население нескольких небольших русских деревень и пограничных постов.

За усердие, проявленное в вооруженной борьбе с бандитами, Пржевальский был произведен в штабс-капитаны. После окончательного разгрома разбойничьих шайк ему снова была предоставлена возможность продолжить исследовательскую деятельность.

По завершении командировки в Уссурийском крае и возвращении в Иркутск Николай Михайлович был переведен в Генеральный штаб; в январе 1870 г. он прибыл с докладом в Санкт-Петербург.

Сведения об Уссурийском крае, собранные Пржевальским, являлись ценными, обстоятельными и актуальными, поэтому в то время некоторые из них были засекречены соответствующими подразделениями Генерального штаба. Эти качественные характеристики отмечались как в военном ведомстве, так и в научных кругах России.

В частности, работа Николая Михайловича была включена в пилотный проект выпуска секретного издания – «Сборника пограничных, топографических и статистических материалов Азии» – и увидела свет с названием «Соображения о возможной войне с Китаем и разбор пограничных районов Н. М. Пржевальского». К слову сказать, в этом же издании были опубликованы разведывательные материалы, подготовленные другими подобными исследователями

¹⁶⁷ Каринцев Н. А. Н. М. Пржевальский: жизнь и путешествия / Н. А. Каринцев М.: Учпедгиз, 1937. С. 23.

и также считавшиеся для своего времени секретными. К ним относились работы Евтюхина и Ванина («Маршруты на Пекин»), Барабаша и Матюшина («Записки о Маньчжурии»).

Помимо секретных публикаций, во второй половине 1870 г. в свет вышла и книга Николая Михайловича с названием «Путешествие в Уссурийском крае». Полученные в указанной командировке результаты способствовали не только поощрению автора со стороны военного начальства и деятелей передовой русской науки, но и явились рекомендациями для назначения Пржевальского в качестве руководителя будущих экспедиций по изучению крупного «белого пятна» на карте того времени – Китая и Монголии.

Описать даже кратко итоги всех экспедиций Пржевальского в одной публикации невозможно. Напомним лишь цели его путешествий и достигнутые Николаем Михайловичем в эти периоды на разведывательном и дипломатическом поприще результаты.

Так, на примере уссурийской командировки следует пояснить, что к разведывательным задачам в тех исторических и физических условиях относилось не только подробное изучение, съемка местности или составление карт с нанесением на них маршрутов передвижения. Сведениями разведывательного характера являлись и этнографические данные местного населения, обитающего на обширных неизученных территориях, их нравы и обычаи, отношение к русским подданным и европейцам в целом. Важными были данные и о возможности прохождения войск, наличии провиантских резервов как для военнослужащих, так и для гужевого транспорта, состоянии и оснащенности армий тех государственных образований, через территорию которых проходили путешественники-исследователи.

Стратегической линией было и изучение экономических вопросов в описываемых регионах, которая также исследовалась Пржевальским. Известно, что до открытия судоходства по Суэцкому каналу в конце 1869 г. Кяхтский тракт был одним из самых коротких путей из Китая в Россию и европейские страны. К примеру, это способствовало тому, что в период правления Александра III ввоз из Китая в Россию чайного листа через Кяхту составлял 27 % в год от общего объема производства. Сравнивая этот показатель с экспортом в США, объем достигал только 13 % в год¹⁶⁸. Этот пример легко охарактеризовать и с частной стороны – русский купец, начавший заниматься поставкой чая из Китая, за один год успешной торговли мог перейти из третьей гильдии в первую. Поиск более коротких путей в Китай, в том числе в другие отдаленные его провинции, являлся весьма выгодным в экономическом отношении.

Кроме того, указанный тракт зачастую использовался и для осуществления дипломатических миссий, направляемых российским правительством на Восток.

Серьезная необходимость поиска новых путей в Восточные страны через Центральную Азию, в первую очередь в Китай, обуславливалась и тем, что древнюю империю ослабляла значительная разобщенность ее провинций. Проблема состояла в слабых связях провинций империи с центром, что давало местным правителям неконтролируемые права и порождало продажность государственного аппарата. Этой слабостью Китая старалась воспользоваться британская сторона с целью колонизации китайских территорий и приведения захваченной страны к полной экономической и политической зависимости.

Что касается России, то ее политические и военные круги, помимо физической и экономической оккупации Китая, были озабочены предполагаемым увеличением транзита опиумных караванов через территорию нашей страны.

Для контроля над складывающейся ситуацией требовалось в относительно короткий срок изучить обширные неисследованные азиатские территории от Кяхтинского тракта до Китая и других восточных государств, что, в свою очередь, требовало решения, помимо научных, ряда разведывательных задач. С этими задачами Николай Михайлович и его спутники успешно

¹⁶⁸ Александров С. На прибайкальских рубежах // Пограничник. 2023. № 4 С. 24.

справились, о чем свидетельствует высокая оценка не только военного руководства, но и самого императора.

Отправившись в 1-е (монгольское) путешествие (17 ноября 1970 г. – 19 сентября 1973 г.)¹⁶⁹, Пржевальским были исследованы части пустынь Ала-шань и Гоби, городской округ Монголии – Ордос, озеро Кукунор, тэтонские хребты. В этой экспедиции Николаю Михайловичу удастся также проникнуть в Северный Тибет, что для европейского человека было в то время практически невозможным.

Во 2-м путешествии (12 августа 1876 г. – конец ноября 1977 г.) был найден путь от Кульджи через Тянь-Шань до озера Лоб-нор, которое было открыто Пржевальским в начале 1877 г.

В этой же экспедиции наиболее плодотворно были решены и разведывательные задачи, касавшиеся описания жизни и быта представителей народов, населявших территории, по которым проходили путешественники, а также выявлены интересные подробности о дунганском восстании и пребывании русских староверов на Лоб-норе¹⁷⁰.

Серьезное влияние на формирование Николая Михайловича как военного разведчика в этот период оказал один из опытейших специалистов по Азии, русский исследователь и дипломат Николай Федорович Петровский. Сохранилась часть переписки двух военных разведчиков, в которой Петровский оказывал разностороннюю консультационную помощь Николаю Михайловичу, особенно в оценке боеспособности и боеготовности китайских вооруженных сил¹⁷¹.

3-е (тибетское) путешествие состоялось в период с 21 марта 1879 г. по 29 октября 1880 г. Экспедиция совершила путь от Зайсана через китайский Хами к верховью Желтой реки. В этом путешествии Пржевальский провел серьезную дипломатическую встречу – осуществил переговоры с посольством далай-ламы, по праву став первым европейским лицом, установившим межгосударственные отношения с представителями такого рода власти.

В третьем путешествии Пржевальским были определены астрономические и гипсометрические пункты, при помощи которых Николай Михайлович осуществил нанесение глазомерной съемки, а также собрал подробные характеристики климата и провел метеонаблюдения. Эти данные наряду с составленными картами местности имели значительную военно-стратегическую ценность¹⁷².

¹⁶⁹ Даты о начале и завершении экспедиции были указаны с момента выхода и возвращения Н. М. Пржевальского из путешествия. Существуют исследовательские версии о начале и завершении экспедиций, берущие за точку отсчета пересечение отрядом путешественников границы Российской империи.

¹⁷⁰ Сластин А. В. Николай Пржевальский – первый европейец в глубинах Северного Тибета... С. 144–145.

¹⁷¹ Там же. С. 339.

¹⁷² Там же. С. 196–197.

Участники 2-й Тибетской экспедиции (1883–1885 гг.)

Что касается 4-го (второго тибетского) путешествия (21 октября 1883 г. – 29 октября 1885 г.), то Пржевальский со своей командой прошел от Кяхты уже до истоков Желтой реки. На этом пути ими были открыты и изучены несколько рек, озер, горных хребтов и, главное, пригодных для продвижения караванов (а в случае необходимости войск) дорог.

В этой же экспедиции помощником Николая Михайловича – Всеволодом Ивановичем Роборовским – с большим успехом была осуществлена фотографическая съемка, несмотря на то, что таковая оставалась еще достаточно громоздкой и едва вышла за пределы стационарного состояния. Практическое применение фотографии в процессе путешествия явилось передовой технологией в фиксации изображения, что улучшило результаты экспедиционных исследований.

После возвращения из второй тибетской экспедиции, помимо очередных наград и поощрений от научного сообщества, 22 января 1886 г. полковник Н. М. Пржевальский был произведен в генерал-майоры.

В период подготовки пятой экспедиции к выходу на маршрут была утверждена секретная на то время «Программа наставления и вопросов среднеазиатским туземным разведчикам, посылаемым для собирания политических и других сведений», подготовленная Петровским. С содержанием этого документа были ознакомлены как Н. М. Пржевальский, так и В. И. Роборовский. Им предписывалось широко использовать требования, изложенные в наставлении, в предстоящей командировке¹⁷³.

5-я экспедиция, начавшаяся 18 августа 1888 г., несмотря на добротную подготовку и оснащение, стала для великого путешественника-исследователя последней. Употребив сырой воды из реки Чу, Николай Михайлович заразился брюшным тифом и 20 октября того же года скончался.

Как он и распорядился в последние дни, его похоронили вблизи озера Иссык-Куль. На большом черном кресте его сподвижник Роборовский прикрепил табличку с надписью: «Путе-

¹⁷³ Там же. С. 341–342.

пешественник Николай Михайлович Пржевальский. Родился 1839 года марта 31. Скончался 1888 года октября 20». Так закончилась славная жизнь великого русского ученого, путешественника, естествоиспытателя и военного разведчика Н. М. Пржевальского.

К слову сказать, Всеволодом Ивановичем Роборовским, помимо своих прямых обязанностей, были в полной мере осуществлены и задачи, предписанные вышеуказанным наставлением по разведывательной деятельности в регионе. Результатом его разведдеятельности стал обширный доклад в военном ведомстве по возвращении в Санкт-Петербург¹⁷⁴.

Сложно в нескольких словах оценить труд Н. М. Пржевальского и его спутников. Здесь будет уместно сказать словами самого великого путешественника, который охарактеризовал своих сподвижников следующим образом: «...Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, среди многообразных невзгод и опасностей, являвшихся непрерывной чередой – мои спутники свято исполняли свой долг, никогда не падали духом и вели себя, поистине, героями»¹⁷⁵. Эти же слова в полной мере относятся и к самому Николаю Михайловичу.

Представители мировой науки, награждая Н. М. Пржевальского многочисленными наградами, дипломами, званиями и титулами, высоко ценили наработанные и изданные результаты экспедиционных исследований. Достаточно вспомнить слова авторитетного русского ученого – антрополога, географа и этнографа Э. Ю. Петри, который говорил: «Если бы Пржевальский не оставил никаких других научных результатов своих путешествий, кроме заметок о других народностях, то и тогда он имел бы право на звание великого путешественника»¹⁷⁶.

Что касается разведывательной деятельности, то, безусловно, Пржевальскому удалось собрать такой объемный по количеству и разнообразный по характеру материал о весьма крупной по площади территории, что для военного ведомства это стало значимым и своевременным подспорьем в работе, а также предоставило возможность на несколько лет быть обладателями стратегической военной информации. Это обстоятельство не позволило иностранным государствам, прежде всего британской стороне, в желаемом объеме осуществить свои намерения в такой геополитической партии, как «большая игра».

¹⁷⁴ Андреев А. И. Ученый и разведчик В. И. Роборовский. URL: <https://scfh.ru/journal/2019/kosshki-i-geny-40-let-spustya/> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁷⁵ Лушин Б. А., Рязанцев Б. Н. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский (к 60-летию со дня смерти) / Географическое общество Киргизской ССР – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1948. С. 38.

¹⁷⁶ Сластин А. В. Николай Пржевальский – первый европеец в глубинах Северного Тибета... С. 303.

С. В. Медведев. Жалобы бывших полицейских на неправомерные аресты и взыскания в начале XX в

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) содержит большое число обращений бывших полицейских на имя товарища министра внутренних дел и директора Департамента полиции с прошениями об устройстве на работу и жалобами на неправомерные увольнения. Исследователь А. Б. Храмцов в одной из своих статей описывает критерии, которым должны были соответствовать кандидаты на занятие невысоких полицейских должностей: «На должности полицейских надзирателей подбирались лица по вольному найму. Ведь главным считались политическая благонадежность, трезвый и скромный образ жизни и отсутствие физических недостатков. Поэтому такое требование к кандидатам, как грамотность, оставалось лишь пожеланием. В большинстве списков представлены положительные оценки о службе классных чинов, такие как исполнительный, способный, достаточно развит, трудолюбивый, служебные обязанности исполняет аккуратно»¹⁷⁷. Революционные события, русско-японская война и прочие общественные катаклизмы начала XX в. способствовали увеличению «коэффициента текучести» в полицейских управлениях дореволюционной России. Помимо внешних проблем, полицейские управления сопровождали и внутренние неурядицы. Кандидат исторических наук С. М. Рязанов, работая с архивными документами, выявил некоторые из них: «Во-вторых, проблемой, особенно для нижнего состава полиции, было чрезмерное употребление алкоголя и по причине того, что среди «податных сословий», из которых они происходили, эта форма социальной девиации была значительно распространена, и в связи с тем, что многие нижние чины полиции были в значительной степени люмпенизированы... В-третьих, нельзя умолчать о значении фактора низкого материального обеспечения полицейских, который также заставлял их искать не вполне законные источники дохода... В-четвертых, не стоит забывать о влиянии социально-психологических факторов на поведение полицейских. Речь здесь идет не только о вышеупомянутом «крестьянском менталитете», согласно которому нет ничего зазорного в том, чтобы вместо «привлечения к законной ответственности» подвергнуть виновного «кулачной расправе», но и о том, что, получив по должности административно-властные полномочия, малообразованные подданные неправильно понимали свой новый статус»¹⁷⁸. Тезис о нехватке кадрового состава полицейских управлений начала XX в. подтверждается исследованиями ученых: «Многочисленные представления Министерства внутренних дел в Государственную Думу об усилении полиции различных городов и уездов Российской империи свидетельствуют о том, что численность полиции была недостаточной... Вопрос об увеличении штата Златоустовской полицейской команды дважды вносился Уфимским губернатором на обсуждение местной Городской Думы; было разъяснено, что половина произведенных из средств города расходов на усиление полиции будет возмещена из суммы казны в порядке закона от 5 декабря 1912 года. В обоих случаях Городская Дума от участия в расходах по содержанию проектируемого дополнительного штата полиции отказалась и постановила ходатайствовать о принятии этого расхода на счет казны»¹⁷⁹; «Несмотря на некомплект нижних чинов полиции, зачастую они использовались не по назначению»¹⁸⁰; «...осуществляе-

¹⁷⁷ Храмцов А. Б. Личный состав классных чинов полицейских управлений в Сибири (по спискам Томской губернии за 1914–1916 гг.). // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1 (1). С. 160.

¹⁷⁸ Рязанов С. М. Преступления чинов уральской полиции накануне и в годы Первой Мировой войны. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31. № 1. С. 40.

¹⁷⁹ Асеев И. А., Маслимов А. С. К вопросу о реорганизации полиции Российской Империи после революции 1905–1907 гг. // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 6–7.

¹⁸⁰ Невский С. А. Полиция в пореформенной России (60-е гг. XIX в начало XX в.). // Общество и право. 2004. № 4 (6). С. 88.

мое правительством финансирование и кадровое обеспечение полицейских учреждений того времени явно не соответствовало тем задачам, которые возлагались на полицию»¹⁸¹. В то же время в столичных городах, наоборот, в период революции произошло увеличение штата органов сыска: «Наибольшее увеличение штатной численности полиции в Санкт-Петербурге отмечается в 1905 году, что обусловлено, главным образом, событиями первой русской революции»¹⁸².

Настоящая статья посвящена анализу переписки соискателей на занятие полицейских должностей с представителями властных структур. Отдельное внимание уделяется причинам отказа соискателям, а также выяснению обстоятельств увольнения классных чинов полиции.

6 марта 1914 г. бывший полицейский пристав, коллежский регистратор Еган-бек Мелик Еганов обратился с большим письмом к товарищу министра внутренних дел. Обращение с первых предложений содержит описание успешных служебных действий: «Происхожу я из рода главы Карабагских владетельных меликов. Вступив в 1893 году в службу по полиции, я все время занимал штатные должности. Знание местных условий, населения и туземных языков, дало мне возможность быстро освоиться со службой и с большим успехом бороться с преступлениями, состоя в должности Заведующего Елисаветпольским особым вокзальным участком, я за энергичную деятельность и открытие важных преступлений удостоился благодарности Начальства. Из Елисаветполя я был переведен в Шушинский уезд и здесь задержал известного члена партии Дашнакцутюн Бахшия Баллуджинского со всей его шайкой, впоследствии приговоренных Елисаветпольским Окружным Судом к каторжным работам на 10 лет, но успевших бежать после приговора из Шушенской тюрьмы, где они содержались. В том же 1902 году мной задержаны убийцы урядника 1-го Сунженско-Владикавказского полка Шевченко»¹⁸³. Триумфальная деятельность Еганова вызвала, с одной стороны, зависть коллег и даже ближайших родственников, а с другой, преследование и угрозы членов противоправительственных организаций. Опасаясь за свою жизнь, Еганов переехал в Джебраильский уезд, затем в Баку. Так как преследования не прекращались и в Баку, Еганов был вынужден устроиться в Тифлисское охранное отделение. В Тифлисе он пережил два покушения: со стороны некоего Джапаридзе, а затем группы неизвестных лиц. Документ содержит неправдоподобные подробности покушения: «...из засады я со своим телохранителем был расстрелян залпами. Я был ранен двумя пулями навывлет в живот, а телохранитель мой, Хачатуров, несколькими пулями в живот. Из числа стрелявших в меня мной задержано 5 человек, которые и приговорены Тифлисской Судебной Палатой к каторжным работам»¹⁸⁴. Полицейский участок Эриванского уезда, в котором служил автор письма после очередного переезда, удостоился под его пером уничижительных характеристик: «При нестерпимой летней жаре, при отсутствии сносной питьевой воды и массе чалтычных и хлопковых плантаций, в участке свирепствует малярия... Резиденция Пристава – село Давалу – населено армянами и находится вблизи Персидской границы, через это именно селение проникали в русские пределы персидские и турецкие революционеры, через него ввозилось оружие»¹⁸⁵. Задержание местного влиятельного жителя Левона Амирханова снова вызвало неудовольствие против Еганова; он попал под подозрение и оказался без работы, «на улице, без куска хлеба». В дальнейшем он некоторое время работал

¹⁸¹ Пачин П. А. Городские и уездные полицейские управления Тамбовской губернии в начале XX в.: структура, штатная численность и финансирование. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 406.

¹⁸² Невский С. А. Организация полиции в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 3 (43). С. 37.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 241. Л. 1.

¹⁸⁴ Там же. Л. 2.

¹⁸⁵ Там же. Л. 3.

в Эриванском ГЖУ и «скудным заработком своим поддерживал существование семьи»¹⁸⁶. В конце письма Еганов уверял, что его имя нанесено золотыми буквами на мраморную доску Тифлисского ГЖУ и просил предоставить ему должность в одной из внутренних губерний страны.

Интересно, что ответ на запрос Департамента полиции от тифлисского губернатора Ерминигельда Николаевича Панова пришел только 11 февраля 1915 г.: «Имею честь сообщить Департаменту, что названный Мелик Еганов в подведомственных мне учреждениях не состоял и сведений о его служебных и нравственных качествах не имеется»¹⁸⁷. Телеграмму с похожим содержанием отправил в Департамент полиции и бакинский губернатор Владимир Владимирович Альшевский. Более интересную информацию о Еганове отправил в канцелярию наместника Его Императорского Величества на Кавказе начальник Тифлисского ГЖУ полковник И. И. Пастрюлин 23 июня 1914 г.: «С 10 сентября 1906 года по 1 марта 1907 года он служил в Тифлисском охранном отделении, по вольному найму, на вакансии филера, но исполнял обязанности полицейского надзирателя. 20 декабря 1906 года на жизнь Мелик-Еганова было совершено покушение, причем он остался невредим, в виду того, что револьвер злоумышленника, стрелявшего в Мелик-Еганова, 4 раза давал осечки и выстрела не последовало»¹⁸⁸. Далее, ссылаясь на свидетельские показания батумского мещанина Гавриила Назарова Кашишьянца, Пастрюлин утверждал о том, что Еганов был членом противоправительственной группы младодаشناкцаканов, получая деньги как от них, так и от стародаشناкцаканов. Пастрюлин не рекомендовал брать Еганова в полицию: «При наличии указаний, имеющихся в переписке, на двойственную роль Мелик-Еганова, полагал бы ходатайство его отклонить»¹⁸⁹. Тем не менее товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский организовал рассылку по целому ряду губерний с просьбой взять на полицейскую службу Еганова. Первый отказ прислал новгородский губернатор Михаил Владимирович Иславин «в виду неимения в настоящее время вакансий на какие-либо должности по полиции»¹⁹⁰. Пензенский губернатор Александр Александрович Евреинов отказал, аргументируя следующим образом: «...так как я не считаю себя вправе обойти тех из старослужащих по полиции, которые по своим заслугам имеют нравственное право рассчитывать на повышение по службе при первой открывшейся вакансии»¹⁹¹. В целом в течение апреля 1915 г. отказы пришли из Петроградской, Вятской, Ставропольской, Псковской, Ярославской, Витебской, Подольской, Волынской, Таврической, Херсонской, Бессарабской, Гродненской, Оренбургской, Калужской, Могилевской, Тульской губерний¹⁹². Единственной вакансией, доступной для Еганова, стала должность помощника пристава города Симбирска, однако по каким-то причинам это назначение не состоялось. В октябре 1915 г. Еганов уехал в Персию.

Похожая история произошла в 1908 г. с полицейским надзирателем Одесского охранного отделения Михаилом Васильевич Демкиным, который оспаривал несправедливый арест и требовал восстановления на службе. В конце 1908 г. он отправил второе обращение на имя директора Департамента полиции М. И. Трусевича с жалобами на свой арест, как «безвинно трижды наказанного». Демкин перечислил следующие взыскания: «1) Увольнение от службы без прощения, на которую я был зачислен согласно Циркуляра Департамента полиции от 25 января 1907 года с причислением к Московской Столичной полиции; 2) Лишение свободы от 8 мая 1908 года с заключением под стражу на военную гауптвахту на 85 дней; 3) Высылка в

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸⁸ Там же. Л. 27.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. Л. 42.

¹⁹¹ Там же. Л. 47.

¹⁹² Там же. Л. 43–66.

Олонецкую губернию под гласный надзор полиции на два года. Все эти наказания, я клянусь вам, что дорогого для меня есть на свете, мной не заслужены и положительно я никакой служебной тайны не выдал и выдавать, по гроб мой, не намерен»¹⁹³. Аргументация в поддержку собственной невиновности была своеобразной: «...если бы я выдал какому-либо преступнику из политических служебную тайну, то без всякого сомнения знала бы вся печать, а жиды в особенности (вот пример – дело Лопухина)»¹⁹⁴.

Помимо полной реабилитации, Демкин требовал возместить материальный ущерб: «В бытность мою на военной гауптвахте... я не получил ни единой копейки на довольствие и поэтому вынужден был отнимать у детей моих последний кусок хлеба – издержал 57 рублей на довольствие себя, о чем подавал рапорт через коменданта города Одессы, начальника Одесского охранного отделения, а равно о выдаче мне недополученного содержания с 31 мая по 27 июля 1908 года 55 рублей, то есть по день постановления Господина Министра Внутренних Дел, а всего 112 рублей»¹⁹⁵. В справке, которая была приложена к жалобе Демкина, скрупулезно описывалась его деятельность на посту полицейского надзирателя: «При аресте лиц, собравшихся на общегородской конференции социал-демократов в доме № 7 по Картамышевской улице Демкин никакой роли руководительского характера не имел, а находился лишь в общем наряде от Отделения... Что же касается указания Демкина на выяснение лиц и сопровождение их на станцию Рось, выехавших для убийства пристава Балицкого, то он действительно принимал участие в наблюдении, но для сопровождения выехавших анархистов командирован не был... Паспортное бюро обнаружено не надзирателем Демкиным, а через агентуру, причем выяснение и проверка подлежащих аресту лиц поручались Демкину наравне с другими надзирателями Отделения. Указание Демкина на неправильное расходование агентурных денег и посылку сотрудника «Курского» с филерским отрядом в Екатеринославскую губернию за покупкой взрывчатых веществ, явно заключает в себе шантажный и злонамеренный вымысел»¹⁹⁶. В 1910 г. Демкин добился выплаты кормовых денег в размере 57 рублей, о восстановлении его в должности материалы не найдены.

9 мая 1907 г. атаман Войска Донского направил в Департамент полиции письмо: «Уведомляю Департамент полиции, что полицейский надзиратель Рыковских копей (так в документе – С.М.) коллежский секретарь Дударев, уволенный мной 20 апреля сего года от занимаемой им должности по прошению, отличался нераспорядительностью и бездеятельностью по службе, последствием чего была демонстрация рабочих при проводах с Берестово-Богодуховских рудников члена Государственной Думы Нестерова»¹⁹⁷. В ответ на увольнение 400 рабочих отправили письмо на имя Председателя Совета Министров с просьбой восстановить Дударева в должности как «тактичного и умелого полицейского надзирателя»¹⁹⁸. К сожалению, в архивных делах не удалось обнаружить реакцию властей на этот любопытный документ.

За некоторых бывших сотрудников полиции ходатайствовал министр юстиции. Так, в 1901 г. рассматривалось дело отставного полицейского надзирателя 2-го участка города Каинска, коллежского секретаря Сергея Сергеева Сухоручкина, уволенного за превышение власти и оскорбление частных лиц. Сухоручкин жил на станции Удельной, по Выборгскому шоссе, не имея права на получение пенсии. 3 декабря 1901 г. министр юстиции С. С. Манухин адресовал в Министерство внутренних дел прошение: «Сухоручкин, за невыслугой им ни одного из общеустановленных пенсионных сроков, не может за службу свою воспользоваться пенсией,

¹⁹³ Там же. Оп. 107. Д. 429. Л. 1.

¹⁹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. Л. 4–5.

¹⁹⁷ Там же. Оп. 105. Д. 169. Л. 3.

¹⁹⁸ Там же. Л. 4.

вследствие чего направление ему Монаршей милости о несчитании судимости препятствием к получению пенсию, не имеет для него никакого значения. Признавая возможным, в виду преклонного возраста просителя (59 лет) и болезненного его состояния, войти... (два слова неразборчиво – С.М.) с докладом о несчитании, в путях Монаршего милосердия, судимости его препятствием к назначению ему единовременного пособия, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня Вашим, Милостивый Государь, заключением по существу означенного моего предположения»¹⁹⁹.

Анализ переписки отставных полицейских с представителями официальных учреждений позволяет сделать несколько выводов. Уволенные полицейские не стеснялись обращаться напрямую к министру внутренних дел и директору Департамента полиции. Переписка по инициированным ими вопросам могла продолжаться годами. Товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский по причинам, известным одному ему, разослал обращение на имя минимум 18 губернаторов с просьбой принять на работу отставного полицейского надзирателя, который предоставил о себе недостоверные сведения и которого коллеги подозревали в работе на противоправительственные организации. Интересно, что все губернаторы, кроме одного, в условиях нехватки личного состава в полицейских управлениях ответили Джунковскому отказом.

В целом документы полицейских учреждений демонстрируют отсутствие внятного инструментария приема на работу в охранные структуры Российской империи. Губернаторы, руководители губернских жандармских управлений и охранных отделений отправляли в центр противоречивые сведения о кандидатах на те или иные должности. Несмотря на то, что с 1905 г. охранные отделения применяли дактилоскопию²⁰⁰, а еще ранее начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов «первый поставил розыск в Империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры»²⁰¹, провинциальные полицейские управления работали консервативно, без широкого привлечения новаторских методов. В этих обстоятельствах риск устройства на полицейскую службу революционеров под прикрытием возрастал в разы.

¹⁹⁹ Там же. Оп. 21. Д. 701. Л. 3.

²⁰⁰ Барей Н. С. Становление отечественной дактилоскопии (первый этап развития дактилоскопии в России) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 4 (16). С. 68.

²⁰¹ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). Москва: РОССПЭН, 2000. С. 76.

На переломе эпох

С. И. Ефремов. Участие чинов Отдельного корпуса пограничной стражи в Первой мировой войне (1916—1918 гг.)

Русская армия в Первой мировой войне в ходе кампании 1914–1915 гг. показала способность побеждать сильного врага, продемонстрировала мужество и высокую боевую выучку. Вместе с тем ошибки политиков и высшего военного командования страны, их просчеты в возможной продолжительности войны и ее масштабах, неготовность экономики России к снабжению армии всем необходимым, плохая организация работы транспорта привели к тому, что уже в 1915 г. наиболее подготовленные и обученные полки, дивизии и армии (фактически вся довоенная армия России) были обескровлены.

Части и соединения русской армии, вновь сформированные из мобилизованных и наспех обученных в ходе войны людей, зачастую не представлявших, что такое военная служба, оказывались менее стойкими при отражении натиска врага, менее решительными и напористыми в наступлении, недостаточно подготовленными к трудностям и поражениям, более восприимчивыми к революционной пропаганде. Неудачный ход войны, большие потери, недостаточное снабжение продовольствием и боеприпасами возбуждали все больше недовольства как в солдатской среде, так и в народе²⁰².

Первые годы войны проходили в состоянии патриотического подъема и воодушевления среди мирного населения и регулярных войск Российской империи. Война воспринималась как освободительная от необоснованно растущего диктата военной машины Тройственного союза во главе с Германией. Но по мере затягивания военного конфликта, усиления ожесточенных боев на фронтах в 1915-м и особенно в 1916-м гг., огромного увеличения людских потерь, а также обострения социально-экономических проблем эти настроения значительно менялись в сторону неприятия войны, требования ее скорейшего завершения. Самодержавная власть не смогла учесть патриотический подъем в обществе, эффективно решить накопившиеся в стране экономические и социально-политические проблемы, что в конечном итоге вылилось для страны в Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.

К концу 1916 г. среди солдат русских войск уже отчетливо просматривалась тенденция усталости от войны, пассивности и даже отказа от активных боевых действий. Военное командование фронтов все чаще стало призывать войска проявлять активность в боях, показывать врагу «русскую удаль и молодцеватость». Подобные призывы в полной мере касались и чинов пограничной стражи²⁰³.

Отдельные хорошо укрепленные участки фронта считались неприступными, войска призывали к «окопному» ведению войны, теряли способность к наступательному порыву. В этих условиях только солдатская доблесть, воля к победе командиров, их личный пример отваги выступали залогом победы над противником. Это было характерно и для пограничных полков. Так, прорыв глубокоэшелонированной обороны был осуществлен пограничниками 22 мая 1916 г. 6-й Заамурский пограничный пехотный полк под ураганным огнем австрийцев провел отчаянную атаку в Хрумовском лесу. Первоначально при поддержке артиллерии была

²⁰² Пограничники России на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. / Военно-исторический труд / К. Н. Маслов, А. П. Горячевский, Е. И. Степанов и др. М.: Граница, 2018. С. 41–42.

²⁰³ Пограничники России на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг... С. 297.

занята первая линия вражеских окопов. Ночью из состава полка были «высланы вперед все разведчики и гренадеры с бомбами», которые всю ночь забрасывали гранатами австрийцев и выявляли более удобные подходы для осуществления новой атаки. Эти решительные действия вынудили австрийцев на следующий день, не дожидаясь повторной атаки пограничного полка, покинуть свои считавшиеся неприступными сильно укрепленные позиции с «тремя линиями окопов и заложенными перед каждой линией фугасами, 12-рядным проволочным заграждением и идущим по нему электрическим током»²⁰⁴.

К концу 1916 г. сводные формирования пограничной стражи приобрели серьезный боевой опыт, существенно отличавшийся от службы в мирное время: они участвовали в широкомасштабных оборонительных и наступательных операциях. Сформированные в короткие сроки пограничные конные, пешие и пехотные дивизии действовали как полноценные самостоятельные соединения. Они зарекомендовали себя одними из наиболее боеспособных и стойких войск действующей армии, участвовали в наступлении, надежно держали оборону, осуществляли прорыв сильно укрепленных позиций противника, отражали его контратаки²⁰⁵.

Революции 1917 г. оказали сильное влияние на участие пограничных чинов в Первой мировой войне. Февральскую буржуазно-демократическую революцию они практически повсеместно восприняли спокойно, без особой политической реакции, без больших эмоциональных волнений. Пограничные части на фронтах продолжали стойко выполнять ставившиеся перед ними задачи. Так, согласно журналу военных действий 10-го Рыпинского пограничного конного полка от 7 марта 1917 г., «...полк принял государственный переворот спокойно и разумно, благодаря отдельным личностям из солдат, сумевшим сорганизоваться и сорганизовать эскадроны. Порядок и дисциплина блестящие»²⁰⁶.

В целом ряде дивизий февральская революция даже добавила подъема патриотических чувств, усилила решимость идти в наступление на врага. Солдаты и офицеры готовы были идти в бой во имя новой демократической России. Так, на Юго-Западном фронте стали добровольно создаваться специальные ударные группы, штурмовые части «истинных солдат революции». Главнокомандующий фронтом генерал Брусилов 23 мая 1917 г. призывал войска революционных армий в добровольном порядке записываться в особые «батальоны смерти». В приказе по фронту говорилось: «...идея пожертвовать собой за свободную Родину уже родилась в рядах Армии Юго-Западного фронта. При Штабе одной из армий из тыловых частей уже вышли охотники, записавшиеся в «батальон смерти», принявший отличительным знаком красно-черную ленту во имя лозунгов защиты свободы (красный цвет), и нежелания жить, если погибнет Россия (черный цвет). Приветствую этот батальон верных сынов России и, отдавая дань инициативе, устанавливаю для охотников, записавшихся в ударные войска, отличительный почетный красно-черный шеврон на правом рукаве углом вниз»²⁰⁷.

Призыв получил отклик в войсках и в особенности среди пограничников. Эти настроения помогли армейскому командованию поддержать боевой дух войск, нацелить их на подготовку к активным боевым действиям. 13 июня 1917 г. командирам 13-, 14-, 15-, 16-го Заамурских пехотных полков поступил приказ с требованиями: 1) об интенсивном обучении штурмовых частей и надлежащей их организации; 2) об обучении нижних чинов преодолению заграждений и метанию гранат; 3) о практиковании в прохождении лесов; 4) о ведении эффективной противогазовой обороны²⁰⁸.

²⁰⁴ РГВИА. Ф.4897. Оп.2. Д.151. Л.105,105об.

²⁰⁵ Пограничники России на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг... С. 310.

²⁰⁶ РГВИА. Ф. 4899. Оп. 1. Д.36. Л.264.

²⁰⁷ Там же. Д.36. Л.308.

²⁰⁸ Там же. Л. 287, 287об.

В июне 1917 г. 13-й Заамурский пограничный пехотный полк почти в полном составе записался в штурмовые части²⁰⁹. На общем собрании 10-го Рыпинского конного полка было вынесено постановление о том, что полк объявляет себя «полком смерти»²¹⁰. В условиях всеобъемлющего кризиса и разложения армии в 1917 г. многие пограничные части дольше других сохраняли боеспособность и верность присяге. Они слабо подверглись «большевизации» и дезертирству вплоть до самого конца.

Однако общая тенденция 1917 г. была такова, что в этот период рост революционных настроений, отказов от ведения боевых действий все более нарастал. Порой, когда одни пограничные полки продолжали выполнять поставленные перед ними задачи, другие отказывались исполнять приказы и даже уходили в тыл. Так, в июне 1917 г. во время наступления на город Галич 2-ой батальон, а также 10-я и 12-я роты 15-го Заамурского пехотного полка «вследствие влияния нескольких большевиков заняли глубокие австрийские окопы в селе Зажече и отказались переправляться на правый берег Днестра с целью развития успеха наступления, так как это грозило им „полным истреблением“». Только после длительных уговоров офицеров солдаты потянулись к месту переправы, чтобы помочь своим товарищам разведчикам и чинам 1-ой Заамурской дивизии, которые вели бои южнее Галича²¹¹. С каждым месяцем случаев уклонения от выполнения приказов командования, их неисполнения становилось все больше. Так, согласно журналу боевых действий 4-й Заамурской пограничной пехотной дивизии от 17 июля 1917 г., «...были получены сведения, что Проскурковский и 6-й полки 2-й Заамурской дивизии, занимавшие позицию на линии Чинкеу – высота 300, самовольно без угрозы противника, оставили позицию и пошли в тыл». Иногда на подобные действия вынуждала идти и общая обстановка на фронте. Так, 19 июля 1917 г. вследствие самовольного ухода 117-й дивизии с позиции без всякого давления со стороны противника части 2-й Заамурской пехотной дивизии были вынуждены без приказа отойти несколько назад²¹².

С весны 1917 г. на чины пограничной стражи были дополнительно возложены задачи по охране тыла войск действующей армии, предотвращения волнений народных масс в прифронтовых уездах. 10-й Рыпинский пограничный конный полк 3 марта 1917 г. «по неизвестным соображениям был вызван в г. Ригу», где 11 марта все офицеры и солдаты полка принесли присягу Временному правительству. С 10 марта полк стал нести в Риге полицейскую службу ежедневно, высылая по одному эскадрону полицейских нарядов. 14 марта был объявлен приказ по полку о том, что в тылу бродят шайки солдат, или переодетых в их форму, производят насилия и грабежи. С целью борьбы с ними в Риге было принято решение об организации милиции, ее помощи в охране порядка и войск. Причем, согласно записи в журнале боевых действий полка от 31 марта 1917 г., спешно создать в Риге милицию не удалось, поэтому «полк нес полицейскую службу вместо милиции»²¹³.

²⁰⁹ Там же. Л.213.

²¹⁰ Там же. Д.108. Л.2.

²¹¹ Там же. Д.36. Лл. 1,1об.

²¹² Там же.

²¹³ Там же. Ф.4990. Оп.1. Д.107. Л.5об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.